Анна и Сергей Литвиновы

Новогодний детектив

Анна и Сергей Литвиновы
Ремейк Нового года (сборник)

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172082
Ремейк Нового года: Эксмо; М.:; 2008
ISBN 978-5-699-31697-7

Аннотация

Под Новый год все мы ждем приятных сюрпризов! Для поклонников остросюжетной литературы мы приготовили сборник новогодних детективных рассказов Анны и Сергея Литвиновых. Эксклюзивные сюжеты, виртуозно закрученные интриги и, конечно, великолепное праздничное настроение ждут вас на страницах этой книги, которая станет отличным подарком для вас и ваших родных людей!

Содержание

Ремейк Нового года 4
Нагадали убийство 73
Смерть на вечеринке 86
Леди Идеал 103
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Анна и Сергей Литвиновы
Ремейк Нового года

Ремейк Нового года

Цены не было б этим газетам – если бы они правду писали.

Так думала старлей Варя Кононова, молодая сотрудница *комиссии* – самой, пожалуй, засекреченной спецслужбы страны, занимающейся всем необычным, выходящим за рамки обыденных представлений: от паранормальных явлений до возможных контактов с иными цивилизациями.[1]

Еженедельный просмотр открытой печати был ее обязанностью – не слишком увлекательной и совершенно, по правде говоря, нерезультативной. На памяти Вари имелось всего несколько случаев, когда по сообщениям газет начинали *разработку,* – однако всякий раз выяснялось, что журналисты либо врали все, от начала до конца, либо основывались на негодных источниках: черпали информацию от психически ненормальных или таких же патологических лгунов, как и сами. Но… Хочешь ты или не хочешь, полезным считаешь или вредным то, что тебе приходится делать, а в военизиро-

---

[1] Подробнее и о судьбе Вари Кононовой, и о деятельности комиссии читайте в романах Анны и Сергея Литвиновых «Прогулки по краю пропасти» и «Пока ангелы спят», издательство «Эксмо».

ванных организациях, от пожарной охраны до разведки, поставлено так: раз имеется приказ – ты обязан его выполнить. Варя, воспитанная в университетской вольнице, не раз уже нарывалась, особенно попервоначалу, на жесткие проработки и даже взыскания, когда пыталась начальственные команды не то чтобы не выполнять, а хотя бы даже обсуждать. Теперь – зареклась.

Но, несмотря на определенную твердолобость и косность, царящую в *комиссии,* Кононовой все равно, порой к собственному удивлению, нравилось служить в ней. И потому, что перед ней время от времени жизнь и начальство ставили труднейшие и необыкновенные задачи (и ей удавалось их выполнять). И оттого, что начальником ее был умнейший, образованнейший человек – полковник Петренко, с которым у Вари сложились почти (насколько позволяла субординация) дружеские отношения. А кроме того, в числе немногих избранных она оказалась допущена к главным государственным секретам и даже удостоилась (через три года беспорочной службы) осмотреть потрясающие *артефакты*, которые содержались в спецхране под зданием комиссии на глубине около двухсот метров. И то, что ей рассказали о Посещении, равно как о многих других поистине потрясающих событиях, произошедших в мировой истории, вдохновляло ее на дальнейшие поиски. Ведь если чудо произошло хотя бы единожды, значит, имеется определенная вероятность, что оно случится и во второй, и в третий раз.

Но… Но сколько же в Вариной службе было рутины! Сколько же ей приходилось перелопачивать, единого факта ради, тонн словесной и цифровой руды!

Вот и сейчас, в хмурый зимний денек 19 декабря, с трудом подавляя зевоту, старший лейтенант Кононова взялась за свой ежепятничный крест – начала просматривать сообщения открытой российской печати.

Она листала газеты, шерстила Сеть и не находила ровным счетом ничего интересного. Все, что на первый взгляд казалось сенсацией, Варя отметала почти мгновенно. Сплошная лажа, враки, параноидальный бред.

Однако… Когда девушка просматривала очередную общероссийскую бульварщину под названием «Икс-пресс», она взглянула на скромную заметку – и звякнул невидимый звоночек… Варвара отложила таблоид в сторону. А потом, через полчаса, пришлось поместить рядом другое издание – на сей раз санкт-петербургскую газетку «Канал неведомого». И, наконец, на глаза попался листок «Королевские вести» с очень похожим сообщением. В животе сладко заныло… Возникло предчувствие удачи, настоящего Дела, без которого Варя сидела уже много месяцев и по которому, честно сказать, весьма соскучилась.

Девушка осторожно разложила три таблоида рядом. Если только газеты не переписывают одна другую… Если только это не централизованная информация, поступившая по каналам какого-нибудь агентства «Чудо-пресс», поставляюще-

го своим подписчикам враки и выдумки… Варвара еще раз пробежала все три сообщения, одно за другим, и по отдельным, почти неуловимым признакам – разный стиль, подлинные (похоже) места действия и фамилии потерпевших – Кононова почувствовала: нет, заметки написаны не одной рукой, вряд ли организованы из единого центра, друг с другом не связаны – и в то же время ох как перекликаются между собой. До жути!

Варя подхватила газеты и помчалась к полковнику Петренко. Пусть лучше он костерит ее, что она сеет ненужную панику, чем они упустят время – возможно, в данной ситуации драгоценное.

* * *

Полковник Петренко пребывал в настроении благодушном. Возможно, сказывалось приближение Нового года; возможно, он предвкушал прием в Кремле по случаю профессионального праздника, на который он сегодня, впервые в жизни, был приглашен.

Однако, глянув на выросшую в дверях кабинета подчиненную, полковник понял: что-то случилось, Варя опять что-то нарыла. Он, не теряя времени, нацепил на нос очки для чтения, которыми с недавних пор начал пользоваться, и протянул руку к газетам:

– Давай!

Первой в стопке оказалась общероссийская «Икс-пресс», открытая на нужной странице. Искомую заметку девушка пометила маркером. Петренко взял листок и с чувством прочитал заголовок:

МУЖ ИЗВЕСТНОЙ ПРОДЮСЕРШИ ВЫПРЫГНУЛ С СЕДЬМОГО ЭТАЖА.

Саркастически хмыкнул и с выражением начал читать заметку:

– «Вчера ночью жители элитного дома, что на улице Плющиха в Москве, были разбужены шумом падающего тела…» – Оторвался, покачал головой: – Лихо закручено! – Затем начал искать в газете выходные данные.

– Газета вчерашняя, – подсказала Варя, научившаяся за годы службы понимать начальство не то что с полуслова, но и с полужеста.

– Значит, все произошло третьего дня? – глянул поверх очков полковник.

– Да, – пожала плечами Кононова, – если они, конечно, не врут…

Под «ними» она разумела журналистов. Петренко охотно подхватил:

– А «они», как известно, врут всегда или почти всегда.

– Ну, некоторые не врут, – без особой уверенности возразила Варя.

– Значит, брешут, – безапелляционно отозвался полковник и погрузился в чтение, проборматывая наиболее важ-

ные моменты статьи: – «Антон Рутков, муж известной музыкальной продюсерши Наины Рутковой, выпал из окна своей квартиры на улице Плющиха примерно в половине четвертого утра. Когда подоспели случайные прохожие, „Скорую“ вызывать не пришлось: мужчина был уже мертв… Милиция сообщила о случившемся жене. Последние годы Рутковы жили отдельно, но не разводились формально. Госпожа Руткова не скрывала внебрачные связи, прославившись, в частности, романом со своим подопечным, 21-летним певцом Иоанном. Как рассказали нам жители дома, в котором в последнее время проживал ее супруг, господин Рутков существовал на средства жены, которая выделяла ему ежемесячное содержание, и вел паразитический образ жизни. 39-летний Антон Рутков нигде не работал. В последнее время он увлекся компьютером и сутками напролет либо играл в игры, либо торчал в Интернете…» Пассаж про компьютеры подчеркнула ты? – вдруг спросил Петренко у подчиненной.

– Я, кто ж еще, – отозвалась девушка.

Полковник кивнул и продолжил:

– "…Когда милиция вызвала госпожу Руткову, та срочно примчалась на место происшествия. С ее помощью правоохранители открыли стальную дверь и осмотрели квартиру господина Руткова. Ничего подозрительного найдено не было, если не считать включенного компьютера. Как об основной версии, милиция заявила о самоубийстве Руткова. Однако в квартире никакой записки или других улик, объясня-

ющих, почему он вдруг решил свести счеты с жизнью, обнаружено не было…» И здесь про включенный компьютер снова подчеркнула ты? – обратился полковник к Варе.

– Я.

– А зачем?

– А вы прочитайте другой материал. – Кононова протянула Петренко вторую газету.

– «Королевские вести», – почтительно продекламировал название печатного органа полковник. – Это что, новости из Букингемского дворца?

– Не «королевские», – улыбнулась Варя, – а «королёвские», по названию города в Подмосковье. Там на третьей странице.

Вторую заметку полковник читал уже про себя, без шуточек: верный признак того, что информация, доставленная подчиненной, его заинтересовала. Впрочем, Кононова с ее феноменальной памятью, натренированной еще в физматшколе и потом на факультете ВМК в МГУ, помнила статью почти дословно:

> «Страшную находку обнаружили недавно жители дома номер 2/22 по улице Циолковского. Некоторые из них, живущие на последних этажах, вдруг стали ощущать резкий, неприятный запах. Вскоре выяснилось, что миазмы исходят из-за двери квартиры, находящейся в пентхаусе. В этом великолепном шестикомнатном жилье, занимавшем весь этаж, последние два года в одиночестве жил 23-летний

Александр Б. Родители Александра погибли в автокатастрофе, а так как оба они занимались бизнесом, то и наследство Александру досталось поистине роскошное, в виде многокомнатного пентхауса в нашем городе, дачи и трех автомобилей бизнес-класса. Однако богатство не пошло юноше впрок. Автомобили и дачу он продал, а на вырученные средства стал вести весьма разудалую жизнь. Обитатели дома не раз и не два жаловались на настоящие оргии, происходящие в пентхаузе, который занимал Александр. Потом, правда (возможно, помогли увещевания милиции), разгул прекратился. Поговаривали также, что „богатый наследник“ женился. Во всяком случае, несколько раз его видели во дворе в компании весьма эффектной брюнетки. Однако в последние дни девушка в обиталище молодого человека явно не появлялась. Когда милиция вскрыла роскошную квартиру, запах стал поистине нестерпимым, а в петле обнаружился труп молодого человека с явными признаками разложения. По предварительной оценке экспертов, тело провисело за закрытыми дверями не менее десяти дней. Тем не менее эксперты считают, что говорить о насильственной смерти оснований нет: произошло банальное самоубийство. Любопытно отметить, что всё то время, что труп разлагался в пустой квартире, там продолжали работать телевизор и компьютер».

– Ты обратила внимание, – оторвался от чтения полковник, – с каким смаком наши газетенки повествуют о траги-

ческих событиях? Им прямо-таки доставляет удовольствие выписывать гадости! Некрофилы натуральные!

Петренко в сердцах отшвырнул «Королевско-королёвский вестник».

– А вы обратили внимание, Сергей Иванович, – осторожно спросила Варя, – на *совпадающие детали*?

– Самоубийство и включенный компьютер? Естественно! Ну, и что из этого следует?

– А вы еще почитайте. Девушка подала начальнику третий листок, совсем уж непотребного вида – на первой его странице в аляповатом коллаже сплелись блондинка с ножом (с ножа и ее удлиненно-вампирских зубов капала кровь), зеленый инопланетянин и расхристанный труп.

Петренко брезгливо повертел газетенку в руках.

– Что, там опять суицид?

– Да.

– И снова при включенном компьютере?

– Именно.

– Когда дело происходило? – нахмурился полковник. – Где? Кто жертва?

– Когда – в нынешнем месяце, точнее не сообщают. Где – в вашем любимом городе Питере, на канале Грибоедова, прошу заметить. Квартира опять-таки, судя по адресу и описанию, роскошная. Жертва – снова молодой человек, точный возраст не указан, тоже проживал в одиночестве (родители – дипломаты, работают в Африке). И вновь, как вы верно

предположили, включенный компьютер…

– Только не надо мне говорить о «вэ-шестьсот шестьдесят шесть», – с нескрываемым сарказмом промолвил Петренко.

«Вирус V-666» был уткой, придуманной газетчиками еще в девяностые годы двадцатого века, и *комиссии* тогда пришлось потрудиться, чтобы выявить, кто первым запустил в обиход этот бред, а также дезавуировать негативное влияние слуха на массовое сознание. А страшилка, которая в то время охотно тиражировалась журналюгами, заключалась в следующем: появился, дескать, компьютерный вирус-убийца. В вирусе, мол, ровно 666 байт, и воздействует он непосредственно на психику того человека, в чей компьютер попадает. На просторах СНГ от V-666, – без зазрения совести врали писаки, – уже умерло то ли сорок шесть, то ли шестьдесят шесть человек, подпадших под зловредное вирусное излучение через экран собственной ЭВМ…

– И про «двадцать пятый кадр» вам не рассказывать? – с усмешкой, в тон начальнику, поинтересовалась девушка.

– И слова такого не вздумай произносить!

На примере одной из самых удачных мистификаций двадцатого века теперь учили молодых сотрудников – а работа по проверке данного факта явилась одним из первых дел *комиссии*, созданной Хрущевым. Бред про «двадцать пятый кадр» опровергли и наши, и американцы, причем многократно: исследования показали, что он на деле никакого воздействия на людей не оказывал. Больше того: сам Джеймс Вай-

кери, «изобретатель» двадцать пятого кадра, через пять лет после своего «открытия» заявил, что результаты эксперимента он сфабриковал (это, однако, не помешало ему продать свою методику доверчивым рекламным агентствам и стать богаче на несколько миллионов долларов). И все же до сих пор предприимчивые молодчики впаривали негодную методологию «двадцать пятого кадра» доверчивым студентам, желающим враз выучить все науки, и не менее доверчивым политикам, пытающимся вмиг поправить свой пошатнувшийся рейтинг…

– В компьютерах вообще никакого «двадцать пятого кадра» нет, изображение строится на других принципах, – на всякий случай пояснила старший лейтенант Кононова, по образованию программист, по призванию хакер.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся полковник. – Что ж тогда ты этими писульками заинтересовалась?

– Совпадения странные, – пояснила Варя. – Не ровен час, кто-то из журналюг заметит, раздует вселенский шум – надо обеспечить легенду. И потом: а вдруг, товарищ полковник, появилось что-то? – с оттенком мечтательности проговорила Варя.

– Да, вот именно… а вдруг… – пробормотал полковник.

Он-то знал, что разработка способов дистанционного воздействия на психику и интеллект (в том числе и через компьютер, конечно) идет и в наших засекреченных лабораториях, и в научных центрах вероятного противника. Пока, если

судить по тем сведениям, что до него доводились в ежемесячных совсекретных бюллетенях, никто: ни наши, ни американцы, ни китайцы, ни израильтяне – ощутимых результатов в данной области не достиг. Но действительно: а вдруг? Вдруг у кого-то получилось? Вдруг вирус, воздействующий через компьютер на оператора, наконец создан? И по неосторожности или злому умыслу вырвался из засекреченных лабораторий на свободу? Или его (что еще хуже) сотворил гений – маньяк-одиночка? И начал использовать в собственных корыстных целях?

Петренко откинулся на спинку кожаного начальственного кресла и смежил веки. А после минутного раздумья промолвил:

– Проверь, Варя.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– За тобой никаких «хвостов» не висит?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Тогда набросай план расследования и оформляй командировку в Питер. В Москве и Королеве поработаешь без командировочных. Хорошо бы к Новому году уложиться.

– Слушаюсь, товарищ полковник. Готова приступить хоть завтра.

– Завтра – суббота.

– Какая разница?

Петренко хотел было спросить, а когда Варя думает рождественские подарки покупать, да вовремя прикусил язычок.

В этом году один за другим умерли Варины родители: сперва отец, генерал в отставке, а вскоре, в одночасье, и мама. Девушка, единственная дочка в семье, нежно любила обоих и теперь очень тосковала. А парня у нее то ли не было, то ли она его не афишировала… И жила она, некстати вспомнил полковник, примерно в тех же условиях, что и трое погибших: в роскошной генеральской (пятикомнатной, кажется) квартире на Новослободской.

Совсем одна.

* * *

Была ли Варя влюблена в своего начальника?

Полковник Петренко, умный, немногословный, красивый, похожий на слегка постаревшего Андрея Болконского (каким она себе литературного героя представляла), конечно, занимал ее мысли. Он был прекрасным командиром и товарищем, но если она и была в него влюблена, то совсем чуть-чуть. Во-первых, Варя являлась правильной девушкой (и даже чересчур правильной, как она сама о себе начинала подумывать), чтобы заводить романы на службе. А во-вторых, полковник слишком уж трепетно относился к своим «девочкам», как он называл жену и дочку. Покушаться на их общее счастье было бы просто неприлично.

Беда заключалась в том, что у Вари сейчас вообще не было никого. Потенциальных поклонников отпугивали, как

она сама анализировала, ее ум, прямота, да и почти кустодиевские красота и сила. Редко кто из мужчин с самого начала и добровольно согласится на заведомо подчиненную роль, поэтому слишком много у девушки было хороших друзей-партнеров – по совместным автопутешествиям, тренировкам, походам на байдарках – и слишком мало любовников, а еще меньше возлюбленных. И наступающий Новый год она опять собиралась встречать не в романтическом путешествии или хотя бы шампанским с кем-то тет-а-тет, а в старой, еще студенческой, компании на даче у приятеля. Подружки, конечно, обещали привести для нее нового ухажера, но девушка изначально не питала никаких надежд и заранее предчувствовала очередную пустышку.

Поэтому когда она увидела капитана Федосова… На следующий день, в субботу, двадцатого декабря, Варвара поехала на Плющиху поговорить с участковым того района, где жил (и скончался) муж своей знаменитой жены Антон Рутков. И когда она зашла в его кабинет, и капитан с улыбкой поднялся ей навстречу, в груди у Вари екнуло, сердце дало мгновенный сбой и сладко потеплело в низу живота. Капитан Борис Федосов был высоченным, широкоплечим – настоящая косая сажень! – а рукопожатие его мощной длани оказалось бережным – он словно погладил ее ладонь. И глаза его при виде девушки загорелись, уста залучились улыбкой…

Варя представилась, села в предложенное кресло и даже

начала задавать вопросы о покойном Руткове, но мысли ее – в кои-то веки! – витали совсем не вокруг работы. Федосов ее поразил. Околдовал. Пленил. Убил. Не было больше бесстрастного компетентного специалиста Варвары Кононовой. Осталась одна лишь женщина. И как ни старалась Варя смотреть в сторону, взгляд ее то и дело спотыкался о роскошные, сочные губы капитана… о его небрежную челку… сильные плечи… И в голове билось: «Нравлюсь ли я ему? А если нравлюсь – не слабак ли он, не трус ли? Последует ли продолжение? Пригласит ли он меня куда-нибудь? И не потеряю ли я „очки“, если приглашу его сама – куда-нибудь в совершенно невинное место, скажем, сыграть партию в теннис? Или можно наврать, что не хватает партнера для боулинга…»

Но капитан Федосов о Вариных терзаниях, кажется, и не подозревал.

– А что это *соседей* заинтересовало какое-то банальное самоубийство? Да еще в собственный праздник? – с улыбкой поинтересовался он. Место работы Вари, естественно, являлось легендированным: никто в целом свете, кроме узкого круга высшего руководства страны, не должен был знать даже о самом существовании *комиссии,* поэтому сейчас (как, впрочем, почти всегда) девушка выступала под прикрытием: согласно документам, ее звание – старший лейтенант ФСБ.

– А я водку не пью, вот и решила поработать, – бесхитростно улыбнулась в ответ Варвара. – И чтобы пресечь даль-

нейшие расспросы о том, почему чекистов заинтересовала обычная бытовуха, переспросила: – А вы уверены, что Руткoв покончил с собой?

– Патологоанатом – лучший диагност, – развел руками Федосов. – А судмедэксперты своего заключения еще не выдали, поэтому отказ о возбуждении дела за отсутствием состава преступления еще, насколько я знаю, не оформляли. Но, по-моему, никаких оснований возбуждать дело и нет. Судите сами, Варя: на трупе следов насилия, не связанных с падением с высоты, не обнаружено. Тело лежало на животе – характерная поза для самоубийц. Да и квартира закрыта, никаких следов пребывания посторонних в помещении не обнаружено. Нет здесь темы, чтоб дело возбуждать. А у вас что, имеются другие данные?

Варя, изо всех сил пытавшаяся обрести свойственное ей всегдашнее хладнокровие, сделала вывод о Федосове: «Умен. Хитер. Знает себе цену». Она отдала должное незаметным попыткам капитана все-таки выведать, с чего вдруг *смежники* заинтересовались гибелью Руткова. Но пояснять ничего не стала (хотя наготове имелась, конечно, сочиненная легенда), ответила вопросом:

– В гибели Руткова есть у его супруги интерес?

– Разумеется. Но у нее стопроцентное алиби: весь вечер и ночь она провела на телевидении. Шел прямой эфир с участием ее подопечного… Этого, ну, сладкоголосого певца…

– Иоанна… – подсказала Варя. – Но, может, Руткова мужу

своему угрожала, давила на него, издевалась? Не лично, а на расстоянии, например, звонила… Или письма электронные писала?

– Вы же знаете: доказать доведение до самоубийства очень сложно. А что, у *соседей* есть в этом интерес?

– Никакого интереса обвинить госпожу Руткову у нас нет, – жестко ответила Варя. – А вот, скажем, компьютер покойного вы изучали?

– Лично я – нет. Но опер из следственной бригады просмотрел, что там. Компьютер ведь был включен в момент происшествия.

– В электронный почтовый ящик покойного заглядывали?

– Насколько я знаю, нет. Из Сети покойный перед своим последним полетом вышел. Пароля у нас, естественно, не имеется.

«А мне пароль не нужен, – подумала Варя. – И еще чрезвычайно интересно, на какие сайты Рутков перед гибелью заходил. Мне бы только до его компа добраться…»

– Пойдемте, посмотрим квартиру Руткова, – без особой надежды на успех предложила девушка.

– Как? – усмехнулся коллега. – Жилье закрыто, дверь стальная, тем более ордера у вас, как я понимаю, нет.

– А телефон госпожи Рутковой у вас имеется?

– Конечно.

– Я запишу.

«По делу наш разговор с участковым подходит к концу, –

мелькнуло у Вари. – А что насчет *не по делу*? Неужели он не понял, не допер, что нравится мне? Или понял – но не решается? Или, – больно кольнуло в грудь, – я его совсем не впечатлила? И он и не собирается никуда меня звать?»

Записав номер супруги погибшего, девушка проговорила:

– Что ж, тогда у меня к вам все. – Но помедлила, вставать из кресла не спешила.

– Хорошо, – кивнул Федосов и поднялся – проводить ее.

«Вот ведь чурбан бесчувственный!» – вздохнула Варя про себя.

Придется ей тоже вставать.

Капитан обогнул стол и протянул девушке руку.

– Спасибо за помощь, – сухо проговорила она.

По логике, нужно было улыбнуться. Загадочно облизнуть губы. Вроде как случайно коснуться его плеча… Но Варя стояла недвижимо – а сердце ее разрывалось на части.

– Приятно было познакомиться, – молвил участковый, снова нежно обнимая ее кисть своей лапищей.

А потом случилось неожиданное: он за руку притянул Варю к себе. Другая рука вдруг легла ей на талию и притиснула. Его глаза оказались совсем рядом, чуть выше уровня ее глаз. Они смеялись.

– Что вы делаете? – ошеломленно пробормотала девушка.

– А я влюбился в тебя, – нагло прошептал Федосов и попытался поцеловать в губы.

Варя дернулась и вырвалась из его объятий.

Капитан не стал повторять приступ. Стоял на том же месте с безвольно опущенными руками.

– Я не могу так сразу! – то ли прошептала, то ли выкрикнула Варя. И залилась краской, поняв, что своей фразой с головой себя выдала.

– Ох, девчонки-девчонки… – вздохнул Федосов. – Зачем вам эта постепенность? Ну, хорошо: буду ждать тебя сегодня в девять вечера в боулинге «Шарики-ролики».

– Вы мне одолжение делаете? – прищурилась Варя.

– Свидание назначаю, – спокойно парировал капитан. – Я же говорю: влюбился в тебя.

– А если я сегодня вечером занята?

– Постарайся освободиться, – проговорил мужчина.

И было в его взгляде что-то такое… заставлявшее безоговорочно исполнить приказ…

– Ровно в девять, – повторил Федосов. – Дорожку я закажу.

– Я, конечно, постараюсь, – пробормотала Варя, – но ничего тебе не обещаю.

Когда Варя вышла из кабинета участкового на свежий воздух, лицо ее горело. Печальные снежинки не спеша падали на серый асфальт. Их было мало, они были не уверены в своих силах. Земля стояла голой, настоящего снега не предвиделось. Варвара несколько раз, пытаясь успокоиться, глубоко вдохнула сырой, насыщенный углекислотой, столичный воздух. Через несколько минут ей наконец удалось привести

чувства и нервы в порядок и переключиться на расследование.

Предстоял разговор с вдовой Руткова – разговор в любом случае непростой.

Дозвонившись продюсерше на мобильник, Варя представилась:

– Вас беспокоит дознаватель, капитан милиции Варвара Конева.

Милицейские «корочки» с оперативным псевдонимом «Конева» являлись еще одним прикрытием Варвары. Порой совершенно не нужно, чтобы подозреваемые знали, что ими интересуется ФСБ.

– Что вы хотели? – резко бросила вдова.

Варя решила играть в открытую.

– Мне нужно осмотреть квартиру вашего покойного мужа.

– Зачем?

– Мы должны решить, возбуждать ли уголовное дело по факту гибели гражданина Руткова. Чтобы написать отказ в возбуждении дела, я должна быть уверена, что ему никто… м-м-м… не помогал прыгнуть.

Варя загадала: если Руткова ни в чем не виновна, она должна пойти навстречу. Впрочем, какие уж тут особенные загадывания? Обычная психология. Никто не хочет, ни невиновный, ни, тем паче, тот, кто в смерти замешан, чтобы открыли уголовное дело по факту гибели близкого человека. А Варя натурально шантажировала вдову: покажешь квартиру

– закроем дело, нет – пеняй на себя.

Однако та сухо ответствовала:

– А у вас есть ордер на обыск?

– Нет, – не стала лукавить Кононова. – Я надеюсь на ваше добровольное сотрудничество.

– Боюсь, что у меня нет для вас времени. И в ближайшие две недели не будет.

– В таком случае я возбуждаю по факту гибели вашего мужа уголовное дело, – еще раз надавила Варя.

– Ваше право.

Девушке показалось, что ледяной голос Рутковой все ж таки дрогнул. Значит, ей настолько не хочется пускать милицию в жилье супруга, что она готова даже на расследование согласиться, лишь бы избежать осмотра квартиры – или хотя бы отсрочить его.

– Раз мы откроем дело, – продолжила Варвара, – будет и ордер на обыск. И вам к тому же придется являться к нам на допросы.

Но и третья попытка убедить вдову показать квартиру по-хорошему успехом не увенчалась.

– Что ж, если будет повестка, тогда и поговорим, – до невозможности сухо откликнулась Руткова.

Положив трубку после разговора с продюсершей, Варя подумала: «Держу пари, она виновна. Но как она могла убить собственного мужа, если у нее самой был прямой эфир? И в квартире – никого посторонних не было?»

Впрочем, перед Кононовой, как сотрудницей *комиссии*, не стояла задача непременно изобличать Руткову. Пока ей требовалось просто покопаться в компьютере покойного. Ну и что делать?

За несанкционированный обыск по головке никого не гладят. Если, конечно, начальству вдруг становится известно, что сотрудник к подобному причастен. Но Варя надеялась, что, во-первых, сумеет проникнуть в квартиру Руткова незаметно, а во-вторых, Петренко, даже если до него дойдет информация, взыскание Варе точно объявлять не станет. Что не дозволено быку (милиционерам и даже фээсбэшникам), дозволено Юпитеру (то есть *комиссии*).

Пробраться в подъезд мимо консьержа для подготовленного человека (каковым, разумеется, была Варя) труда не составляет. Потом, конечно, пришлось повозиться со стальной дверью в квартиру Руткова, но специнструмент не подвел. Осадок на душе, правда, оставался – Варя не любила действовать незаконными методами. Но еще неприятнее стало после того, как она тщательно обследовала все три комнаты, где проживал убитый, и никакого компьютера там не обнаружила. Хотя незапыленный прямоугольник на полу, где раньше стоял системный блок, имелся и более светлый кусок обоев позади него – тоже.

Когда Варя выскользнула из квартиры Руткова, она уверилась в обоих своих интуитивных предположениях: во-первых, в преступлении замешана вдова; а во-вторых, компью-

тер сыграл в нем особую, если не ключевую, роль.

Планируя сегодняшний день, Варя думала, что, если у нее останется время после изучения обстоятельств самоубийства Руткова, она сразу рванет в Королев – осматриваться там, где погиб второй фигурант. Но, когда вышла из дома самоубийцы, подумала: «Какого черта? Я что, автомат? Боевая машина? У меня сегодня вечером, между прочим, свидание!»

При мысли о нежно-сильных руках Бориса Федосова сладко заныло сердце. И почему-то появилось предощущение если не счастья, то, по крайней мере, удачи.

На первых порах предчувствие ее не обмануло: несмотря на то, что Новый год на носу и все мастерицы красоты завалены работой, оказалось, что у Вариной маникюрши, пользовавшей еще ее покойную маму, как раз сейчас случайно появилось «окошко». А в салоне к тому же выяснилось, что и косметологиня может ее принять. После процедур у Вари хватило времени заехать домой, чтобы переодеться.

Поэтому к боулингу «Шарики-ролики» Варя подходила во всеоружии, гордая и довольная собой.

Огромный и обаятельный участковый ждал Варю в баре.

Он заказал ей «Мохито» – «для разминки». Чувственно и нагло оглядел ее с головы до ног: блузка, какой бы просторной ни была, не скрывала ни большую грудь, ни мощные плечи, ни красивые руки, – и присвистнул:

– А ты хороша!

Варя оставила комплимент без ответа.

– Сейчас выпиваем по коктейльчику – и на дорожку, – распорядился капитан.

Девушка поняла: красавец-мент любит доминировать. Наверное, это характер, да и род занятий играет свою роль. Беда заключалась в том, что Варя не любила подчиняться.

– На вашем месте, – заметила девушка, отхлебнув «Мохито», – я не торопилась бы закрывать дело о самоубийстве Руткова.

– Как выпьем, говорим о работе, да? – нагловато усмехнулся Федосов, но все-таки переспросил: – А почему все же такое внимание к бедному самоубийце?

Варя знала: милиционеры и прокурорские работники не могут оставить без внимания мнение «старших братьев» из ФСБ.

– Я разговаривала с вдовой, и она явно нервничает. А еще, по информации из наших специсточников, нам известно, – она, конечно, не стала признаваться в своем проникновении в жилище погибшего, – что из квартиры самоубийцы пропал компьютер. Скорее всего, его вывезла вдова. Спрашивается, зачем? И почему столь спешно?

– Улики косвенные, – возразил Федосов. – О-о-очень даже косвенные!

«Вот так у нас с ним всю дорогу и будет, – подумала Варя, – сколько бы она, эта дорога, ни заняла, пусть даже один сегодняшний вечер: постоянное соревнование, дуэль. Что ж,

пока мне такое положение скорее нравится. Чуть не впервые – герой мне достался по силам».

– Но их нельзя не учитывать, правда? – надавила она. – И хотя бы допросить Руткову стоит, как ты думаешь?

Вопросы Варя специально поставила в такой форме, что на них мог быть один ответ: да. Однако капитан с ней, может, внутренне и согласился, но промолчал. И девушке пришлось добавить:

– А когда вдову станут допрашивать, пусть ей зададут, между делом, вопросы о компьютере покойного. Куда он делся? И какой, кстати, у Антона Руткова был электронный адрес?

– Ну, раз ты настаиваешь – поможем в твоем лице славным соседям, – кивнул капитан. – Тем более нынче ваш профессиональный праздник. Но ты на поддавки по такому случаю не надейся. Пошли, наша дорожка – пятая.

– Минутку… – Варя достала лейкопластырь и обернула три пальца на правой руке, спасая свежий маникюр.

– О, как у тебя все серьезно! – слегка насмешливо воскликнул мужчина. – Да ты, наверно, чемпион!

– Пока еще нет, – пробормотала Варя.

Первые же броски показали, что Федосов, впрочем, как и Варя, играет безыскусно. Не было в их арсенале крученых ударов, да и точность порой оставляла желать лучшего. Однако силушкой бог не обидел обоих, и когда самый тяжелый, «шестнадцатый», шар врезается на скорости тридцать кило-

метров в строй кеглей – те разлетаются, даже если попадаешь не совсем точно. И уже в первой, пристрелочной, партии оба сделали по куче «страйков», выбили каждый больше ста пятидесяти очков, и за их спинами стали собираться официанты, обслуга, да и игроки с других дорожек то и дело глядели на двух гигантов, раз за разом сметавших кегли с поля.

– Во дают! – заслышала Варя уважительный голос хрупкого паренька, соседа по дорожке. – Прям битва титаников!

А девушку захватил азарт борьбы. Она уже не думала – как частенько забывала думать и раньше при общении с молодыми людьми – о кокетстве, флирте, жеманности. Она стала сама собой: женщиной, нацеленной на выигрыш, на успех – любой ценой. Только один раз, когда Варя добила практически невозможный «спэар» и вырвала концовку партии, радостно вскинув затем вверх руки, Федосов вполне по-дружески обнял её и поцеловал, от этого всё тело девушки словно окутало наэлектризованное поле любви.

Оба уступать не хотели, и за три часа игры счет по партиям оказался равным: четыре – четыре. И Варя, в кураже, в азарте настаивала:

– Давай еще одну, на победителя!

– Лучше оставим до следующего раза, – рассудительно молвил Борис, – хотя бы для того, чтобы был повод встретиться.

Они оделись в гардеробе и сели в машину Федосова – «Форд», довольно не новый. Капитан завел мотор, включил

печку и, словно об обыденном деле, спросил:

– Ну, к тебе или ко мне?

И Варю мгновенно обдало холодом. Вопрос был, конечно, вполне естественный и логичный. И любая другая, *обычная*, женщина ответила бы на него притворным гневом, кокетливым смехом, лукавым взглядом… Варвара же на полном серьезе отрезала:

– Ни к кому! Если подбросишь меня до дома – буду тебе признательна. Если нет – поймаю такси.

Не готова она была так быстро впустить его – в свое сердце, в свое тело, в свою душу!

Федосов, может, и обиделся, но виду не показал. Довез как миленький до дома, и они обменялись номерами мобильников. Капитан помог Варе выйти из машины и поцеловал ручку. И сказал, что позвонит.

* * *

Неизвестно, из каких соображений к названию платформы Подлипки Ярославской железной дороги добавили определение «Дачные». Сто лет здесь уже никаких дач не водилось. Может, подумала Варвара, наименование было одной из составных частей легенды прикрытия нашего космического проекта – который, как известно, творился именно здесь, в обстановке строжайшей секретности.

В утренней воскресной электричке было полно лыжников

– несмотря на захудалую зиму, в лесах снег все ж таки нападал. Однако ехали туристы дальше – в Монино, или, на худой конец, в Валентиновку.

А Подлипки, хоть и Дачные, выглядели явным городом. По подземному переходу сновали люди. Старушка, очень древняя и морщинистая, разложила на асфальте на клееночке нехитрую галантерею: спички, туалетную бумагу, салфетки, мыло. Варя дала ей двадцать рублей – просто так, старушка просияла: «Спасибо, дочка!»

В серых пятиэтажках светились окна. Улица вывела Кононову (вчера она пробила адрес по «гугловской» карте) к новейшему, щегольскому, дому, снисходительно возвышающемуся над округой, словно юная девушка-модель, по недоразумению попавшая в толпу простых работниц.

Варя обошла дом по периметру. Пентхаусы под крышей казались нежилыми.

Здешнего участкового на месте не оказалось (еще бы, воскресенье!), к тому же и мобильник его молчал. В отделении милиции не нашлось оперов, выезжавших на недавнее происшествие, а уголовное дело по факту самоубийства здесь возбуждать не стали – слишком уж очевидным оказался суицид. Пришлось оставлять ментам свои визитки *(«ФСБ, старший оперуполномоченный Варвара Кононова»* – значилось в них) и просить, чтобы участковый и опера ей по возможности срочно позвонили. Единственным, что ей толком удалось разузнать в милиции, были имя самоубийцы – Александр

Барсуков – и его полный адрес.

Варя вернулась к дому на улице Циолковского. Ей очень хотелось как можно быстрей проверить свои подозрения. И – а что оставалось делать! – она второй раз за уикенд незаконно проникла в чужое жилище.

Квартира Александра Барсукова оказалась воистину роскошной, полной новомодной техники: здесь и домашний кинотеатр, и хай-энд-проигрыватель, и навороченная кофеварка, и даже измельчитель мусора и дистанционно управляемые жалюзи. Кроме того, юный хозяин явно страдал нарциссизмом: во всех шести комнатах имелись его фотографии, а в спальне так даже написанный маслом портрет: смазливый, явно себялюбивый, хитрый и капризный мальчик с длинными белокурыми волосами. Может, душа Вари очерствела, но ей отчего-то не было его жалко.

Девушка последовательно обошла все шесть комнат, коридор и кухню. И убедилась – хозяин явно фанател от бытовой техники. Однако нигде в квартире не обнаружилось компьютера. Ни стационарного, ни ноутбука – никакого. Впрочем, чего-то подобного Кононова как раз и ожидала.

Вопрос: кто похитил его из квартиры Барсукова? И кто унес комп из квартиры Руткова? Ясно одно: компьютеры не могли испариться по воле особенного виртуального вируса. Или в результате какого-то другого чуда. В их исчезновении явно замешаны вполне земные силы. А значит, получалось, что *комиссии,* по большому счету, расследовать здесь нечего.

Но загадка-то оставалась. И отсутствие обоих компов наводило на мысль о сокрытии улик преступления. Или даже, точнее, – на сокрытие *орудия преступления.* Но как с помощью компьютера можно принудить человека к суициду? Неужто действительно кто-то создал особую программу, запустил в ЭВМ несчастных убийственный вирус? Кто? Почему? И как он достиг успеха? Вот эти вопросы *комиссию* как раз интересовали.

Чтобы путешествие в подмосковный город Королев не оказалось совсем уж малорезультативным, Варя занялась нудной, достойной милицейского опера работой: отправилась в поквартирный обход, и тут снова ей пригодились милицейские «корочки». Однако соседи с нижних этажей, как один, рассказывали о пьянках-гулянках в квартире лоботряса Барсукова, об ужасном запахе, доносившемся с его этажа в течение нескольких дней (перед тем, как был найден труп). Но никто не мог указать, с кем конкретно дружил покойный и кто бывал в его квартире, а главное – с какой такой девушкой, вроде даже женой, его видели в последнее время. Никто из соседей не переписывался с покойным по Сети, никто не знал его и-мэйла.

В поисках виртуальных следов Барсукова девушка зашла даже в местное интернет-кафе, но и там никто ничего не ведал о самоубийце.

Уже стемнело, когда Варя – практически несолоно хлебавши – отправилась на электричку. День прошел, можно

сказать, впустую. «И правильно, – ехидненько прокомментировал ее внутренний голос, – по воскресеньям нужно не за виртуальными призраками гоняться, а отдыхать. Или в крайнем случае хлопотать по хозяйству».

Однако когда девушка вышла на Ярославском вокзале, она вместо того, чтобы последовать совету внутреннего голоса и заняться собой и (или) домашними хлопотами, перешла на Ленинградский вокзал и купила билет до Питера на сегодняшний ночной поезд.

«Хм, в последнее время я часто стала совершать импульсивные поступки, – с неудовольствием подумала она. – Что-то, вероятно, со мной не так… Может, оттого, что по родителям скучаю? И Борис, как назло, не звонит…»

* * *

В купе, предназначенное для женщин (на железной дороге появилось такое новшество), Варя пришла первой. Скинула дубленку, шапку, устроилась – и тут накатило… Вспомнились папа и мама, и как они впервые, все вместе, ездили в Питер. Ехали втроем в одном купе, и им никого не подселили, и папа был весел, много шутил и даже разрешил дочурке отхлебнуть пива, а потом они полночи с мамой вели шепотом задушевные разговоры, и за окном, как и нынче, была зима, и летели мимо станционные огни… Варе даже показалось – вдруг сейчас откроется дверь, и войдут мама с отцом,

дышащие морозом, родные, веселые… Слезы навернулись Варе на глаза. Тут как раз первая попутчица явилась – холеная бизнес-леди с презрительно поджатыми губами, и девушка не выдержала, убежала в туалет. Ей не хотелось, чтобы кто-то увидел ее слезы, да еще бы и утешать начал…

Когда Кононова умылась и привела себя в порядок, Ленинградский вокзал уплыл в сторону, и застучали колеса. Слава богу, в туалет никто не ломился, все привыкли, что на стоянках пользоваться им нельзя.

Девушка вернулась в купе и, избегая дорожных знакомств и разговоров, забилась на верхнюю полку. Но все равно: было ужасно жалко себя и хотелось плакать. И от того, что мамы с папой больше нет с нею и никогда не будет… И потому, что дело «самоубийц с компьютером» никак не вытанцовывалось… И потому, что проклятый капитан Федосов ей так и не позвонил…

* * *

В Питере было теплее, чем в Белокаменной: на вокзальном термометре всего-то минус один. Но из-за ледяного ветра, что гулял по проспектам и дул практически отовсюду, казалось в десять раз холоднее. Поэтому Варя сочла за благо нырнуть в троллейбус «десятку»: она еще со времен той поездки с мамой-папой помнила, что этот маршрут проходит через весь Невский.

За немытыми и запотевшими окнами троллейбуса скорее угадывались, чем были видны, красоты Северной Пальмиры: Аничков мост с конями, дворец Белосельских, крутой и радостный изгиб так и не замерзшей, зябкой Фонтанки… В саду близ памятника Екатерине светилась елка. У Гостиного сновали люди.

Варя вышла из троллейбуса. Отворачивая нос от ветра, пересекла Невский, а потом – опять неожиданно для себя! – вдруг зашла в Казанский собор. Зашла – и помолилась Богоматери: не о деле, не о службе, не о Борисе и даже не о покойных родителях, а просто о том, чтобы все было хорошо.

И непонятно, то ли помогла молитва, то ли светлая полоса сменила черную, но в Питере Варваре все стало удаваться как по маслу.

Для начала ее очень радушно встретили в местной милиции. Опера в кабинете, куда ее направил дежурный, не выказали никакой неприязни ни по поводу того, что она – чекистка, ни из-за того, что она – москвичка. Усадили пить чай, стали рассказывать о происшествии на канале Грибоедова. Оба тоже оказались старлеями, обоих звали Максимами (один – Шадрин, другой – Бароев), оба даже моложе Вари и – на полголовы ее ниже. Впрочем, мужское начало так и кипело в парнях, прорываясь в слегка неуклюжей галантности и рискованных шуточках. И Варя мимолетно подумала: не потому ли она пошла служить, что в среде силовиков еще остались чуть ли не последние в стране настоящие мужчины

– на фоне прочих хлюпиков и нытиков?

Два Макса рассказали Варе, что уголовное дело по факту самоубийства двадцатилетнего Артема Веретенникова, студента университета, все-таки возбудили (первое из трех, подумала девушка). Однако дело открыли не потому, что сами обстоятельства его смерти вызывали вопросы. Нет, суицид казался, что называется, некриминальным: студент наглотался снотворного, улегся в ванну, а когда от таблеток потерял сознание, захлебнулся. Экспертиза не обнаружила на теле покойного никаких следов насилия или борьбы. К тому же он оставил собственноручную записку. Варе продемонстрировали ее фотокопию: «*Мама, папа, мои родные, простите меня и прощайте! В моей смерти можно винить только меня самого*». Расследование начали потому, что отец Веретенникова был дипломатом, недавно назначенным послом в одну из африканских стран, и имел выходы на Смольный и на Белый дом. Но главной причиной была другая: как оказалось, в квартире, где жил студент, хранилась небольшая, но чрезвычайно ценная коллекция картин русского авангарда. Веретенников-дед, известный искусствовед, в свое время составил свое собрание буквально за гроши, теперь же оно стоило миллионы. Долларов, разумеется. Так вот коллекция – в нее входили и Кандинский, и Ларионов с Гончаровой, всего шесть полотен – исчезла.

Потрясенная Варя воскликнула:

– И родители оставили пацана-студента одного в квартире

с дорогущими картинами!

Э, не так все просто, объяснили оперативники. Самое ценное на время отсутствия родителей было на всякий случай уложено в домашний сейф. Правда, Артем знал его код, но, во-первых, неподалеку проживала бабушка парня, которая навещала его чуть ли не каждый день, а во-вторых, мальчик он был очень положительный: ни гулянок, ни подозрительных знакомств.

– Порой с тихими домашними мальчиками происходят самые большие неприятности, – заметила Варя. И ее новые знакомцы-опера поспешили с ней согласиться.

О том, что сам парень как-то замешан в краже, продолжали рассказ милиционеры, свидетельствует тот факт, что не тронуты ни замки в квартире, ни замок сейфа, где хранились полотна. Жильё было на милицейской охране – но сигнализация не срабатывала, и на окнах нет следов взлома. Словом, пацан, несчастный этот Артём, получается, сам впустил злоумышленника(ов) в квартиру и сам отдал ему (им) картины.

– Вы, конечно, отрабатываете связи убитого, – не вопросительно, а утвердительно заметила Варя. Никаких в том сомнений не могло и быть.

Естественно, оба Макса их отрабатывали. Но ровным счетом ничего пока, увы, не нарыли. Юноша был человеком замкнутым, «ботаником», почти отличником, и, казалось, ничто, кроме наук, Артема не интересовало. Единственный его друг, такой же, как он, студент-отличник, абсолютно вне по-

дозрений. Самое ужасное преступление, на которое способен тот дружбан, как ехидненько заметил один из оперов, это задолжать книги в университетскую библиотеку.

– А девушки? – заметила Кононова.

– Вот! – воскликнул второй опер. – Совершенно центрально замечено!

Да, подтвердил первый Макс, появилась в жизни Артема в последнее время женщина. И, возможно, бывала в его квартире, но… Такое впечатление, что он ее ото всех скрывал. Во всяком случае, ни бабушка, ни его ближайший друг девушку ни разу не видели, не разговаривали с ней. Даже не знали о ее существовании! Видели только соседи – невзначай, мельком, со спины. Помнят только, что высокая и, кажется, брюнетка. Субъективный портрет не составишь.

– А вы работали с компьютером погибшего? – задала Варя ключевой для себя вопрос.

Опера переглянулись.

– Просматривали файлы, – заметил один.

Кононова чуть не подпрыгнула на месте с радостным криком: «Так комп не пропал!» – но сдержалась и продолжила слушать милиционеров.

– Ничего криминального в компьютере Веретенникова не оказалось, – подтвердил второй. – Обычный набор: игрушки, рефераты, фотки, научные книги… Ну и порнушка. Так ведь какой подросток нынче без порнушки!

– А почтовый ящик вы смотрели?

Милиционеры переглянулись снова.

– Как бы мы его посмотрели? – вытаращился один. – Он же запаролен!

Варвара отставила чай и решительно встала.

– Пойдемте.

– Куда?

– Я должна поработать с компьютером парня. Прямо сейчас, пока не поздно.

Видимо, голос девушки прозвучал настолько решительно, что оба милиционера тоже немедленно поднялись.

В иных обстоятельствах Варя, и сама не обделенная жильем, все равно, наверное, позавидовала бы квартире Веретенниковых: тихое место с видом на канал Грибоедова, по-дореволюционному высоченные потолки, десятилетиями налаженный быт: напольные часы с боем, абажур с кистями, сервант красного дерева. Всюду картины в золоченых рамах – не такие, видимо, ценные, как похищенные, но вполне достойные… Только сейчас на серванте возвышался огромный фотопортрет с черным бантом на боку: застенчивый мальчик с милой улыбкой…

Их встретила мать: она выглядела, как сомнамбула, и почему-то все улыбалась тонкими губами.

– Я не могу уделить вам много времени, – светски предупредила она гостей, – папа слег, мне надо везти ему передачу.

– Нам бы только посмотреть компьютер Артема, – поспе-

шил один из Максов.

– Пойдемте. Конечно, Тема был бы ужасно недоволен, если б узнал, что вы рылись в его файлах, но теперь… – Губы женщины задрожали. – Темы уже нет, – с трудом выговорила она, и по щекам заструились слезы, – поэтому он, наверное, не рассердится… Ах, извините! – Она прижала руку к глазам и выбежала из комнаты.

Горе матери пробрало даже обоих Максов. Варя, прикусив губу, чтобы самой не расплакаться, принялась осматривать комнату парня. Там снова был его портрет, и опять с крепом на углу, а кроме того, шарф и плакат «Зенита», плакаты Курта Кобейна, Джимми Хендрикса и группы «Рэд хот чили пепперз». На застланной кровати сидел истрепанный плюшевый мишка. У окна – компьютер с большим экраном.

Варя села к нему. Оба опера застыли за ее спиной. «Или здесь побывал *другой* преступник, – подумала она, – или он почему-то не смог унести с собой системный блок… Ну, да, у него же руки были заняты картинами… Впрочем, это только догадки…» Пока Варя размышляла, ее пальцы порхали по клавиатуре. Удивилась – похоже, все файлы хозяина сохранились в неприкосновенности. Впрочем, с ними она будет разбираться позже.

Девушка достала из дорожной сумки и подключила к компьютеру Артема внешний жесткий диск. Набрала команду «скопировать все». Информации оказалось не слишком много, не больше пятнадцати гигабайт. Пока она ска-

чивалась, Варвара вышла в Сеть. Появилась приглашающая плашка хозяйского почтового ящика: никаких закидонов, простое a-veretennikov@yandex.ru. Программа предложила ввести пароль. И Варя, не столько ради дела – она могла бы заняться этим потом, в спокойной обстановке, сколько для того, чтобы произвести впечатление на питерских оперов, вытащила из сумки свой карманный комп, подсоединила его к хозяйскому и запустила программу-дешифратор. Впрочем, ей и самой не терпелось просмотреть содержимое почтового ящика Артема… Через три минуты все было кончено. Дешифратор подобрал пароль, и она вошла в ящик бедного самоубийцы. Девушка почувствовала, как за ее спиной два опера, два Макса, уважительно переглянулись.

Однако… Почтовый ящик юноши оказался пуст. Ни единого послания: ни во «входящих», ни в «отправленных», ни в «черновиках». Кто-то уничтожил всю переписку Артема.

– Это меняет только одно, – пробормотала Варя.

– Что именно? – спросил один из Максов.

– Удлиняет мой рабочий день, – лихо заметила девушка, и форсу в ее фразе было примерно пополам с правдой.

* * *

Варвара распрощалась с операми у подъезда.

Разумеется, она обещала, что все значимые данные, какие добудет, немедля переправит им. Естественно, и сама полу-

чила заверения, что Максы будут держать ее в курсе расследования и делиться результатами. А сейчас Кононова искала только тихое кафе – желательно с вай-фай-интернетом – чтобы предаться своему самому любимому (если говорить о службе) занятию: добывать информацию из чужих компьютеров и Сети.

В Северной столице разыгралась поземка: мелкая, резкая, злая. Порывистой ветер кусал за нос, подбородок и щеки. Ни единого человека не видно было на тротуарах вдоль канала, только изредка проскакивали машины мимо. Натянув шапку пониже, а шарф – повыше, Варя добрела до Гороховой. Здесь с общепитом стало веселее, однако наклеек на дверях с вожделенным «вай-фаем» не наблюдалось. И вот наконец такое кафе – чистенькое, в модном экологическом стиле, видать, недавно открытое. И ни единого посетителя внутри.

Варвара немедленно заказала у стойки чайник чая, салат и карточку доступа в Сеть. Уселась на один из стерильно белых диванов. Здесь ей никто не помешает, если только не будут докучать явно не обремененные заботами официантки. Девушка разложила на столе свою аппаратуру: компьютер и внешний диск. Принесли чай и салат.

Крепкий, горячий, сладкий чай прогнал из тела холод, а из головы усталость после ночи в поезде. Варя вошла в Сеть.

После тщательного осмотра вычищенного почтового ящика Артема Веретенникова стало ясно, что уничтожали корреспонденцию *извне*. Явно какой-то умник-хакер, вло-

мившийся в него так же, как и Кононова, без спроса.

– Ну-ка, посмотрим, кто ты таков… – пробормотала девушка, пытаясь вычислить место, откуда произошло вторжение.

Следы были запутаны. Они гнали ее от одного сервера к другому. Кононовой явно противостоял если не профессионал, то весьма искушенный любитель.

И вот наконец виртуальный адрес мерзавца, опроставшего ящик бедного Артема, был найден. Варвара немедленно запустила программу, определяющую по сетевому адресу физическое местоположение человека.

– Что? – оторвалась она от комментатора и непонимающе уставилась на выросшую рядом официантку. Та во второй раз участливо переспросила:

– Вы совсем не покушали салат. Вам не понравилось?

– Все просто супер! – бросила девушка. – Только не надо больше меня отвлекать, ладно?

Официантка обиженно удалилась. Кононова почти не заметила ее, она предвкушала свою первую маленькую победу, но… Программа-определитель физического адреса высветила явно издевательское: *Каймановы острова, город Че-Гевара-град, проспект Ленина, дом 13, квартира 13.*

– Ах ты, маленький засранец! – выругалась девушка. Почему-то она не сомневалась – наверное, по низкой пробы шутке с адресом, – что ей противостоял засранец, и именно маленький. – Ну, что ж, – пробормотала она, – мы, как гова-

ривал вышеупомянутый Ленин, пойдем другим путем…

Как известно, полностью уничтожить информацию в компьютере невозможно – если только ты разобьешь жесткий диск на мелкие кусочки или расплавишь его в раскаленном металле. «Но и то еще не факт!» – как восклицал в этом месте своей лекции читавший Варе курс информационной безопасности профессор Зимин. Впрочем, Зимин, конечно, шутил – даже подготовленному человеку восстановить затертые файлы не всегда удается. Но не Варе Кононовой – с ее образованием, опытом и, что греха таить, благодаря почти неограниченным возможностям *комиссии.* Чего-чего, а новейшего программного обеспечения и кодов доступа к почтовым серверам у спецслужб хватает.

Поэтому через полчаса работы – чай остыл, салат так и остался нетронутым, официантки перестали обращать внимание на большую румяную деваху, неотрывно глядящую в комп, – Варвара восстановила для начала самое последнее электронное письмо, полученное несчастным Артемом. К нему прилагался видеофайл – небольшой, всего около шести мегабайт.

Письмо дошло до адресата в воскресенье, седьмого декабря, в двадцать один час сорок минут.

Тело мальчика нашли, рассказали оперативники, утром восьмого декабря. Жильцы снизу обнаружили протечку, стали звонить в дверь, никто не открывал, связались с бабушкой Артёма, она пришла с ключами, и…

По заключению судмедэкспертов, смерть Веретенникова произошла около ноля часов в ночь с седьмого на восьмое. А до этого, как рассказали Варе питерские опера, он с десяти до одиннадцати вечера все пытался дозвониться – и с домашнего телефона, и с мобильного – до какого-то «левого» сотового номера, зарегистрированного на пенсионерку из Гатчины. Всего звонков насчитали шестнадцать. Парень явно был в отчаянии, но он не позвонил ни бабушке, ни родителям в их далекое посольство, ни своему близкому питерскому другу. Он упорно набирал и набирал один и тот же номер – который ему не отвечал.

Итак… Варя постаралась рассуждать хладнокровно. Значит, он получил письмо, прочел, посмотрел видео, потом начал названивать, не дозвонился и, отчаявшись, напился снотворного и лег в горячую ванну умирать.

* * *

С внутренней дрожью и неожиданной гадливостью Варя открыла последнее полученное Артемом письмо. И, несмотря на то, что она была подготовлена, примерно представляла, что ей предстоит прочесть, текст больно ударил ей по глазам – словно обжигающим кипятком плеснули. Девушка старалась не впускать в себя текст, читать по диагонали, но все равно ей становилось плохо. Ей, постороннему человеку! Что ж тогда говорить о том несмышленыше, кому послание

было адресовано.

«Дорогой Артем!

Пришла пора сказать тебе правду. Горькую, но, увы…

Я не люблю тебя. И никогда не любила.

Ты глупец, бедняк, варвар. И мне никогда не было с тобой хорошо. Нигде: ни в жизни, ни в постели. Ты – ноль, деревяшка, полное ничтожество!

И не было у меня никакого мужа, от которого я, влюбившись в тебя, должна была скрываться. Только такой пень и осел, как ты, мог поверить в столь развесистую лажу. Я врала тебе, во всем врала – так было надо. Мне – надо.

Как ты понимаешь, картин своих ты больше никогда назад не получишь. И не увидишь.

Прощай навсегда!

Не любящая тебя и никогда не любившая

Н.

А если ты совсем отупел и до тебя не доходят человеческие слова – можешь посмотреть картинку. Ведь ты, мальчик, любишь забавные картинки!»

Ощущая боль и ужас, Варя бесчувственной рукой, чтобы только побыстрей покончить с этим, запустила приложенный к письму видеофайл.

Там, как она и догадывалась, была порнуха. Самого мерзкого толка, снятая любительской видеокамерой. На пленке были двое. Женщина, довольно молодая, но, на взгляд Вари,

очень так себе – брюнетка с чувственными губами и длинноватым носом. Она, совершенно голая, оседлала обнаженного молодого человека – красавчика-блондина – и фальшивым голосом покряхтывала: «Да!.. Так!.. Еще!.. Хорошо!..» Груди ее тряслись, а глаза были широко открыты и, словно издеваясь, бесстыже смотрели прямо в камеру.

Боковым зрением Варя заметила, что официантки, тосковавшие у стойки, переглянулись, и одна из них украдкой повертела пальцем у виска. Кононова вспыхнула и убрала звук. Она бы остановила пленку вообще, если бы не… Если бы не ощущение, что где-то она уже видела и второго участника порнофильма, и интерьер, в котором снималось действо. И тут до нее дошло: да ведь длинноволосый парень – не кто иной, как Александр Барсуков, самоубийца из подмосковного города Королева! И «кино» снималось, похоже, в его спальне в пентхаузе дома на улице Циолковского!

И тут, словно по заказу, грянул телефонный звонок.

* * *

Варвара остановила видео и взяла трубку.

– Это Аркадий Минаев звонит, – доложили ей.

– Кто? – не поняла девушка.

– Минаев я, лейтенант, участковый из Королева, – раздельно и снисходительно, словно Варя была тупоголовой блондинкой, пояснил голос. – Вы тут вчера нашим самоубив-

цем интересовались…

– Да-да, – отрывисто сказала девушка. – А у вас что, есть для меня какие-то сведения?

– Ну, например, – с чувством собственного превосходства молвил участковый, – известна ли вам информация, что гражданин Барсуков был женат?

– Что?! – вскричала Варя.

– Ну да, – степенно продолжил лейтенант, которому оказалась приятной столь непосредственная реакция «фээсбэшницы». – Он два месяца назад поженился с одной особой и прописал ее на собственной жилплощади. Других у гражданина Барсукова наследников, получается, нет, поэтому по всем законам через шесть месяцев квартирка его достанется в полное и безоговорочное владение ей, жене. То есть теперь уже, извиняюсь, вдове. – Участковый хихикнул. – А у нас, конечно, не совсем Москва, но его апарта€менты, я думаю, лимончика на три зеленых потянут…

– Имя! – вскричала девушка. – Как ее зовут?

– Записать есть чем?

– Есть, есть, говорите!

– Анастасия Ивановна Зараева, одна тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, уроженка города Кургана. Успеваете?

Варя азартно вбивала данные в компьютер.

– Да, да, успеваю!

– Номер, серия паспорта требуются?

– Да, да!

А когда Кононова записала все установочные данные и устало откинулась на спинку диванчика белой кожи, к ней подскочила официантка. Хотя посетительницей Варя оказалась единственной, кажется, девчатам она надоела, и те не чаяли выпроводить ее на мороз.

– Желаете еще что-нибудь? – спросила девушка.

– Да, – выдохнула Варя. – Желаю. Принеси-ка мне водки, сразу сто граммов.

И почему-то вдруг вспомнила, как говаривал здесь, в Питере, ее отец: «Ленинград – коварный город (папа по привычке именовал Северную столицу ее старым именем), здесь сама природа подталкивает тебя выпить. Да и страсти тут вечно кипят нешуточные…»

«Да, папа, ты прав, – мысленно ответила ему дочка. – Ты прав, мой дорогой папочка, прав, как всегда…»

Но не успела Варя выпить заказанную водку, не успела даже официантка принести ей рюмку, раздался еще один звонок. Ровно в тот момент, когда она о нем совершенно забыла, ей позвонил участковый Борис Федосов.

– Варя? Куда ты пропала?

Сил не было с ним пикироваться, и девушка устало бросила:

– Я в командировке.

– Когда вернешься?

Делать в Питере ей, пожалуй, больше нечего, расследова-

ние пора переносить в Москву, и Кононова сказала:

– Возможно, сегодня вечером.

– Я тебя встречу.

– Не надо. Я сама еще не знаю, когда приеду.

– А наш дознаватель все-таки допросил вдову Руткову, – сообщил капитан Федосов.

– И что?

– Ты права: она очень дергается даже при упоминании слова «компьютер».

– Пусть в следующий раз при ней назовут фамилию: Зараева. Анастасия Зараева. Запомнил? И ее фотку предъявят – я ее тебе подброшу.

– Да, хорошо, я записал: Зараева… Я хочу видеть тебя.

– В ближайшее время вряд ли получится. Ужасно много дел.

– Жаль.

– Мне тоже.

Голос девушки звучал ровно. После чудовищного предательства, свидетелем которого Варя только что невольно стала, трудно было поверить в любовь и искренность.

– Ну, тогда звони, как освободишься, – заметил явно недовольным голосом Борис.

– Конечно.

После того как Варя положила трубку, она немедленно забронировала себе по Интернету билет на вечерний сидячий экспресс.

Ночью можно будет спокойно выспаться в своей постели, а завтра как можно раньше прийти на работу, чтобы плотно заняться гражданкой Зараевой.

* * *

Назавтра Варя приехала на службу рано даже для себя: без четверти семь. Постовой прапорщик на входе посмотрел на нее с удивлением – вся Москва готовится к Новому году, гуляет «корпоративки», а эта трудоголичка…

Весь день старший лейтенант Кононова посвятила тому, что в открытых, полуоткрытых и совершенно закрытых источниках черпала информацию об уроженке города Кургана Анастасии Зараевой и ее семье. А вечером, когда все ушли, а глаза резало от восемнадцатичасовой непрерывной работы за монитором, Варя пробила (ей показалось, что в тот момент ее пальцы по клавиатуре летали как-то крадучись) по доступным ей базам данных капитана Бориса Федосова. Участковому оказалось тридцать два, три года как разведен, детей нет, проживает в одиночестве, квартира в районе Марьино. Его не разрабатывало ни УСБ, ни ФСБ, и он не числился в базах сотрудников, заподозренных в связях с оргпреступностью или в коррупции.

Не то чтобы Кононова в своем новом ухажере сомневалась, но все равно отлегло от сердца. «Наверное, у меня начинается профессиональная деформация личности», – усмех-

нулась Варя про себя. А уж что она злоупотребила служебным положением в собственных интересах – даже бритому ежику ясно. Но ей хотелось хоть какой-то компенсации за целый день, проведенный в виртуальном обществе Зараевой. То *общество* оказалось куда как неприятным…

А на утро следующего дня, двадцать четвертого декабря, Варя пришла к полковнику Петренко с докладом. Она старалась уложиться в пять минут – начальник не терпел долгих рассусоливаний. Но за каждой минутой доклада стояли, без преувеличения, мегабайты проштудированной ею и тщательно перепроверенной информации.

– Анастасия Зараева, восьмидесятого года рождения, прибыла в Москву из города Кургана. Трижды пыталась поступать на психфак МГУ. Дважды проваливалась, в промежутках работала санитаркой в психиатрической клинике, в компании, распространяющей тайм-шеры, и секретаршей в агентстве по подбору персонала. На третий год поступила на платное отделение. В ходе учебы особо интересовалась гипнозом, нейролингвистическим программированием, другими методами внушения. После окончания вуза работала в частных клиниках. В прошлом году организовала собственное индивидуальное предприятие, получила лицензию на медицинскую деятельность. У Зараевой имеется брат Леонид, на четыре года ее младше, отчислен с четвертого курса Бауманского за неуспеваемость. Судя по всему, умелый хакер. В прошлом году разрабатывался отделом «К» ГУВД

Москвы по делу о мошенничестве с кредитными картами. Доказательной базы тогда против него собрать не удалось.

Петренко слушал заинтересованно. Кононова разложила перед ним на столе фотографии Анастасии и Леонида Зараевых и продолжила:

– По моим предположениям, преступники действовали следующим образом. Зараева регулярно просматривала Интернет. Анализировала, базируясь на своем психологическом образовании и опыте работы, те тексты, что пишут посетители форумов и авторы блогов. Среди них она отбирала людей с шизоидной акцентуацией личности – а значит, в принципе склонных к суициду. Когда жертвы были намечены, в дело вступал братец. Он сканировал их компьютеры, взламывал пароли доступа к почтовым ящикам и читал всю переписку и, кроме того, определял их физические адреса. Благодаря изучению личной почты жертв и данных в «левых» персональных базах преступники из числа потенциальных самоубийц отбирали тех, на ком они могли поживиться: богатых и одиноких. Такими оказались, в частности, Александр Барсуков с его шестикомнатной квартирой и Артем Веретенников с коллекцией картин. Информацию о будущих жертвах преступники изучали всю. Они знали их привычки, слабости – полный психологический портрет. Когда конкретные жертвы были намечены, кончалась виртуальная фаза, Леонид отступал на второй план, и на сцену, уже в реале, выходила его сестрица Анастасия. Она знакомилась

с молодыми людьми, влюбляла их в себя, очаровывала, используя психотехники влияния, которыми, похоже, владеет в совершенстве. И в итоге очень быстро добивалась, чего хотела: Барсуков на ней женился и прописал в своей квартире, Веретенников своими руками отдал преступнице коллекцию дорогих картин… После этого поклонники становились не нужны, и, чтобы избавиться от них, Зараева меняла свое отношение к ним на сто восемьдесят градусов, с любви на ненависть и, опять-таки с помощью психотехник, доводила парней до самоубийства…

– А дело Руткова? – спросил полковник. Он всегда задавал вопросы не в бровь, а в глаз. – Оно к Зараевым каким боком?

Однако у Варвары был заготовлен ответ:

– Я проследила точки пересечения Зараевой и Рутковой. Они в одно и то же время посещали – более года! – один спортклуб. Там, вероятно, познакомились и подружились, а в итоге Зараева получила от продюсерши заказ на устранение ее мужа. Она, я полагаю, устроила *заказное самоубийство*. Подобного в уголовной практике, по-моему, еще не было!

– А куда исчезали компьютеры?

– Преступники заметали следы. Леонид ведь точно знал, что умелый белый хакер, вроде меня, сможет выйти на них. Поэтому из квартиры Барсукова комп унесла его свежеиспеченная вдова Зараева. А из обиталища Руткова вытащила

системный блок жена-продюсерша. И только к компьютеру Веретенникова они не подобрались, Леонид затирал информацию дистанционно, опять войдя в почтовый ящик Артема. Таким образом они в итоге и попались.

– Все равно доказательств у тебя мало. Или даже нет вовсе.

– Доказывать – не наше дело.

– Правильно мыслишь. Поэтому передавай материалы по принадлежности – в милицию, прокуратуру, следственный комитет – и переключайся на свои собственные дела. Ты хорошо поработала, Варя.

– Сомневаюсь, чтобы кто-то из смежников сумел собрать против Зараевых доказательную базу. Да и что инкриминировать братцу с сестрицей? Доведение до самоубийства? Это максимум – до пяти лет лишения свободы. Легко отделаются эти гады!

– А кража картин?

– Зараева будет упирать на то, что мальчик сам их ей подарил.

– Хорошо, Варя, куда ты клонишь? – устало спросил Петренко.

– У меня вот какие соображения…

Когда девушка закончила свой рассказ, полковник решительно заявил:

– Такие твои действия я санкционировать не могу.

– Тогда запретите. Приказом.

– Скажи: зачем тебе рисковать?

– Какой там риск! – с бравадой воскликнула Кононова. – Все будет предусмотрено!

– Зачем, Варя? – переспросил полковник, устало потирая лицо.

– Затем, Сергей Александрович, что я мерзавку Зараеву буквально ненавижу. И хочу отомстить за того несчастного мальчика из Петербурга и его семью.

– Только ли? – поднял бровь полковник.

А Варя тихо добавила:

– И за себя тоже. За то, что я теперь в людей не верю.

Петренко только махнул рукой:

– Ты этого не говорила, а я этого не слышал.

* * *

Ни в каких базах данных – ни полулегальных, продающихся на «Горбушке», ни даже в совершенно секретных МВД и ФСБ – Кононова не значилась как сотрудник органов. Просто работница ООО «Ритм-21», программист, волею судьбы оказавшаяся прописанной одна в пятикомнатной квартире на Новослободской. Так что с бытовой стороны к её сути преступники не подберутся…

В тот же день, двадцать четвертого, она почистила – да так, чтобы даже следов от многих файлов и писем не осталось, свой домашний компьютер. Варя понимала: если па-

рочка злодеев клюнет, они первым делом просканируют ее компьютер. Ничего, связанного со службой, в нем и без того не содержалось, однако пришлось выкинуть все оптимистическое, радостное, победное. А еще девушка сфабриковала пару писем от собственного имени, отправленных якобы пару месяцев назад нескольким известным антикварам. В первой депеше она интересовалась, за сколько можно продать награды отца-генерала, в том числе орден Ленина и боевого Красного Знамени. В другом – спрашивала о цене изумрудного ожерелья (фото драгоценности прилагалось). Ордена были настоящие, отцовские, а ожерельем ее снабдили друзья из столичного угро – украшение числилось в конфискате и стоило не меньше полумиллиона долларов.

Затем Варя разместила на сайте, который регулярно посещал при жизни Артем Веретенников, пять сообщений. Первое из них, путем нехитрой манипуляции, датировала концом ноября, последнее пометила сегодняшним числом. В своих постах она демонстрировала – причем по нарастающей – симптомы тяжелой депрессии. В последнем сообщении Варя писала:

> «Скоро Новый год, все суетятся, радуются, а у меня наступающий праздник вызывает только страх и отвращение. Дата меняется, – а жизнь, увы, нет. Еще один одинокий праздник… Не случайно именно первое января – лидер по количеству самоубийств. Наверное, уйду из жизни и я. Мне больше нечего делать в нашем

мире. Ни парня, ни любви, ни привязанности. И даже кошку завести неохота и лень. И вы, мои дорогие папочка и мамочка, так далеко от меня, уже ничем не сможете помочь… Ну, ничего, скоро я приду к вам… Скоро мы опять будем вместе…»

Теперь оставалось только ждать.

* * *

Той же ночью девушка получила отклик. Некто под ником «Белоснежка» писал:

«Такое бывает, поверь мне. Тоска приходит и уходит. Что-то подобное случалось и со мной. Но мне помогли выйти из этого состояния. И научили, как помогать другим. Все вернулось: счастье, радость, солнце, любовь. Поверь, вкус к жизни возвратится и к тебе. Я могла бы тебе помочь».

Варя, тщательно заметая собственный след, прошла по виртуальному пространству весь путь, по которому двигалось письмо «Белоснежки». Физический адрес отправителя оказался знакомым: «Каймановы острова, Че-Гевара-град…»

Преступники клюнули. Возможно, они спешили, чтобы жертва не ушла из жизни раньше, чем успеет принести им профит.

Варя откликнулась на послание «Белоснежки» сразу же

– ничего удивительного, что одинокий, страдающий депрессией человек ночь напролет просиживает за компьютером. Она написала:

«Как ты можешь мне помочь?»

И опять реакция преступницы не заставила себя ждать:

«Ты живешь в Москве?»

«Да», – отстучала Кононова.

Теперь диалог происходил практически в режиме реального времени.

«Мы могли бы встретиться», – осторожненько, чтобы не вспугнуть жертву, предложила «Белоснежка»-Зараева.

«А это удобно?» – засомневалась Варя.

«Вполне. Мне будет приятно помочь тебе».

«Беда в том, что у меня проблема с деньгами…»

Нельзя соглашаться сразу, понимала Варя. Для людей вообще характерна недоверчивость, а те, кто в депрессии, недоверчивы втройне. Интересный диалог происходит, с усмешкой подумала она, каждый боится спугнуть другого.

«Феи обычно помогают бесплатно», – ответила Зараева и поставила «смайлик».

«Ну, если я тебя не обременю…»

«Ты доставишь мне удовольствие тем, что позволишь себе помочь».

И они описали друг другу, как выглядят. «Точно, придет сама Зараева, никаких посредников, никакого его братца-хакера!» – обрадовалась Варя. Договорились встретиться на-

завтра, в девять вечера, у метро «Новослободская». «Правильно, – отметила про себя Кононова, – никаких кафе, по легенде у меня проблемы с деньгами, так что сразу будет повод пригласить новую знакомую к себе домой. А она заглотнула наживку удивительно легко. То ли и вправду спешит, то ли убийство уже стало ее пристрастием – и ей требуются все новые и новые жертвы».

* * *

Всю дорогу на свидание Варя входила в образ: глаза потухшие, волосы встрепанные, голова опущена, взгляд в пол, на плечах – словно неподъемная тяжесть. И еще – ни грана косметики и сапоги нечищеные (для человека, находящегося в депрессии, характерно пренебрежение к своему внешнему виду). Она пришла первой и словно бы случайно заняла (как учили) место, с которого просматривались все подходы. Кононова волновалась, и то было не обычное предстартовое волнение спортсмена, а напряжение перед смертельной схваткой. Напряжение, перемешанное с ненавистью.

Зараеву она увидела издалека. Окликать и подходить не стала («Выбьюсь из образа!» – удержала Варя себя) – надо, чтобы та сама узнала и приблизилась. Преступница тоже тщательно поработала над своим имиджем: ничего кричащего или вызывающего, светло-серые тона, все тщательно отутюжено. Образцовый психотерапевт.

Вот она осмотрелась. Заметила Варю. Подошла.

Поздоровалась. Голос звучал бархатисто и участливо:

– Вы – Варя? А я Настя.

Протянула руку – ладонь оказалась теплой, мягкой, тоже какой-то *участливой*.

«Она очень талантливый человек, – вдруг оценила преступницу Кононова, – и могла бы лечить, консультировать, приносить людям пользу. И зарабатывать, между прочим, неплохо. Но она решила своим талантом – убивать. Почему, зачем?»

– Приятно с вами познакомиться, – безжизненным тоном ответила Варя. (Она волновалась: «Сумею ли я убедительно сыграть человека в депрессии? Не расколет ли меня профессионал? А она ведь действительно профессионал!»)

Зараева отступила на шаг, осмотрела девушку с ног до головы.

– Да вы так хороши собой! – воскликнула она. – Просто красотка!

Кононова в ответ только грустно улыбнулась. А про себя подумала: «Теперь у нас с ней одна и та же задача: оказаться у меня дома. Но и она боится меня спугнуть, и я ее. Что ж, я ей помогать не буду. Пусть действует сама».

– Может, зайдем куда-нибудь? – непринужденно предложила преступница.

– У меня денег нет, – глухим голосом призналась Варя.

– Ну, тогда не стану смущать вас своей благотворительно-

стью, – улыбнулась новая знакомая. – Может, просто погуляем?

– Холодно. Сыро. Промозгло… – пожаловалась Кононова.

– А хотите, поедем ко мне? – лучезарно предложила Зараева. – Это близко.

Люди в депрессии боятся новых мест. Варино лицо исказилось. Она почти простонала:

– Нет, не хочу никуда… Пойдемте лучше домой. Здесь ко мне действительно рядом. Пять минут пешком.

В тот момент преступница не смогла скрыть блеснувшее в глазах торжество.

* * *

– Пошли в гостиную, – предложила Варя.

– Ой, какая у тебя шикарная квартира! – восторгалась Зараева. По дороге девушки незаметно перешли на «ты». – Какие высокие потолки! И комнаты огромные!

– Только, извини, неубрано, даже запущено, – не выходя из депрессивного образа, посетовала Кононова.

– Все прекрасно, идеальная чистота и порядок, – возразила гостья.

– И угостить нечем. Только чай с сушками. Я плохая хозяйка.

– Не надо угощений! У меня для тебя есть кое-что получше.

Зараева торжественно вытащила из сумки отпечатанный на плотной бумаге листок.

– Знаешь, что это? – лучезарно вопросила она. – Приглашение на бал. Сегодня, в самом лучшем клубе города. Начало в двенадцать. И я приглашаю на него тебя. Ты там будешь настоящей королевой!

– Но как я пойду… – пробормотала Варя. – Я так ужасно выгляжу. Лицо серое… А руки – вообще кошмар.

Она в отчаянии посмотрела на коротко обрезанные ноготки (жаль, но недавно сделанным шикарным маникюром пришлось пожертвовать).

– Мы тебя подготовим! Я помогу!

– Я уродина.

– Не говори так. У тебя великолепные данные, а я сделаю тебя настоящей красавицей! И мейк-ап будет, и все прочее. У меня хорошо получается. И, знаешь, у меня предложение: давай начнем праздник прямо сейчас.

– Как?

– Ты сейчас пойдешь и переоденешься. Наденешь свое самое лучше вечернее платье. И лучшие туфли – на самом высоком каблуке. И лучшие украшения.

«Вот он, момент истины, – подумала Варя. – Она хочет увидеть ожерелье. А что еще она может с меня взять? Ведь не успеет же прописаться в моей квартире!»

– Платье? Украшения? – непонимающе проговорила Кононова.

– Да! От того, как ты выглядишь, зависит половина успеха. Ты почувствуешь себя победительницей.

– Ну, что ж… – Варя нехотя встала. – Если ты настаиваешь…

Она отправилась в свою спальню. Не спешила (для депрессии характерны постоянные сомнения, колебания, неуверенность в себе). Надела действительно свое самое красивое платье с глубоким декольте, вечерние туфли на двенадцатисантиметровом каблуке, застегнула на шее то самое ожерелье. Оглядела себя в зеркало: выглядит великолепно. Плечи и декольте такие, что ни один мужик не устоит, провалится туда взглядом!

Но она старательно притушила перед зеркалом победительный блеск в глазах. Появилась на пороге гостиной робкая, неуверенная, оглаживающая себя руками.

– Какая ты! Исключительная, сногсшибательная! – ахнула Зараева. А глаза на одно мгновение алчно вспыхнули при виде ожерелья. – Ты затмишь всех: и сегодня, и всегда! Надо выпить за тебя.

На журнальном столике стояла маленькая бутылочка «Моет и Шандон» – предусмотрительная гостья принесла ее с собой. И успела достать из серванта Варины бокалы, разлить в них шампанское.

«Хм, что-то новенькое, – подумала Кононова, – в прежних сценариях подобного не было. Давай, думай быстро: зачем шампанское? Она хочет меня отравить? Или оглушить

каким-нибудь снадобьем, чтобы действовать прямо сейчас, наверняка?»

– Но я не пью… – робко проговорила Варя.

– Когда шампанское разлито, его надо выпить, – категорически заявила гостья. – Я дипломированный врач и говорю тебе: в данной ситуации – лучшее лекарство.

– Слушай, я не могу без закуски, – неуверенно молвила Варвара. Господи, только бы она клюнула! – Может, принесешь? У меня в холодильнике шоколадка завалялась. Я не доковыляю на таких каблучищах, разучилась.

Зараева вскочила и отправилась на кухню. Она, кажется, потеряла бдительность – потому что уже, похоже, не сомневалась в своей победе.

Когда женщина исчезла из комнаты, Варя быстро поменяла бокалы местами.

Гостья вернулась с шоколадкой, положила на стол.

– Ну, за твое преображение и за твой успех! – провозгласила она. – Пьем до дна!

Девушки чокнулись. Зараева украдкой глянула на часы. Хозяйке дома ничего не оставалось делать, как выпить. Шампанское вроде оказалось с нормальным вкусом, но Варя не слишком часто в своей жизни пила настоящее французское, чтобы утверждать с уверенностью.

– А теперь, – жизнеутверждающе воскликнула гостья, – мы займемся твоим макияжем. Где у тебя самое большое зеркало?

Она подхватила свою необъятную сумку, и девушки прошли в спальню. Зараева усадила Варю на вертящийся стульчик перед маминым трюмо.

– Ох, что-то мне в голову ударило, – пожаловалась Кононова слегка заплетающимся языком.

«Что, интересно, было в том бокале? И какой реакции она от меня ждет? Неужели она хотела меня банально отравить? Нет, не похоже, убийцы не меняют свой почерк… Наверное, подмешала в шипучку какой-то препарат, подавляющий волю…»

Зараева встала у нее за спиной, положила руки на голые плечи. Варя видела ее в зеркале, возвышающуюся над собой. На секунду стало страшно.

– Ты так хороша…Ты так красива… – приговаривала черноглазая, чернобровая гостья. – Ты уверена в себе… Ты великолепна…

Снова украдкой глянула на циферблат – и вдруг резким движением развернула вертящийся табурет на сто восемьдесят градусов, наклонилась к Варе и схватила ее обеими руками за щеки. «Кажется, она решила, что ее снадобье начало на меня действовать. Надо подыграть ей: сделать взгляд совсем безвольным».

Хищные глаза Зараевой оказались на расстоянии полуметра. Они впивались в мозг.

– Ты – несчастна! – вдруг проговорила она непререкаемым тоном. – Ты несчастна сейчас и будешь несчастна все-

гда!

– Что ты такое говоришь… – пролепетала Варя.

– Ты слишком много ошибок сделала в своей жалкой, никчемной жизни! – продолжала преступница. – Рядом с тобой – никого нет. Ты одинока, и так и будешь одинока, если не найдешь в себе силы покончить со всем сейчас. Все люди, которых ты любила, ушли от тебя. Ушли и мама с папой. А почему? Ты, ты во всем виновата! Ты недостаточно их любила! Ты могла бы спасти отца от сердечного приступа, если бы начала действовать вовремя! Ты могла бы спасти мать – если после смерти отца проявляла бы о ней больше заботы, повезла бы ее отдыхать! Ты… ты не заслужила жить! – выкрикнула она.

– Да, да… – растерянно проговорила Варвара.

Глаза девушки наполнились слезами – совсем не наигранными. Даже ее – знающую, зачем и с какой целью Зараева произносит столь ужасные фразы, убийственные слова преступницы травили, жгли, язвили, обжигали. Что же тогда говорить о неподготовленных, несчастных, замороченных людях!

– Тебе – пора уйти из этого мира! – непререкаемо скомандовала Зараева. Затем заговорила мягко: – Все, довольно, одним шагом ты прекратишь свою боль, свои страдания. Всего лишь миг – и наступит вечность. Счастливое отдохновение от всех мук.

– Я должна? – прохныкала Варя. Просительно заглянула в

глаза преступницы. И заметила в них перемену. Только что они были режущими, будто черные лазеры, – и вот уже поплыли, стали терять фокусировку. Препарат, растворенный в шампанском, кажется, начинал действовать.

Однако руки преступницы, словно невзначай, расстегнули ожерелье, обвивавшее шею девушки.

– Иди… Ступай к окну… Я помогу тебе… – Голос Зараевой зазвучал не столь уверенно, как прежде.

Варя встала во весь свой рост и совершенно неожиданно для преступницы весело засмеялась.

– Что с тобой? – невольно вырвалось у гостьи испуганное.

– Со мной – все хорошо. А вот с тобой – плохо. Ты хотела, чтобы я выпрыгнула из окна? Как муж продюсерши Рутков? А сама не хочешь попробовать?

В глазах Зараевой мелькнул ужас. Но Варя продолжала:

– Я все про тебя знаю. И про Александра Барсукова, которого ты заставила повеситься – ради квартиры в Королеве. И про несчастного Артема Веретенникова из Питера. А сейчас… Сейчас ты, между прочим, покушалась на жизнь сотрудника правоохранительных органов! Поэтому тебе светит пожизненное – слышишь, пожизненное!

Зараева, отравленная своим же препаратом, стояла, покачиваясь, держа в одной опущенной руке уже ненужное ожерелье.

– Зачем тебе жить? – воскликнула Варя. – Весь свой век провести в тюрьме? Стареть там и в конце концов сдохнуть?

Лучше тебе умереть сейчас. Красиво умереть! Иди к балкону, иди! Всего один шаг – и ты будешь избавлена от всех дальнейших страданий!

– Нет!!! – неожиданно очнувшись, выкрикнула Зараева.

Она вдруг выхватила из своей сумки скальпель и ринулась на Варю. Девушка, хоть и не ожидала нападения, приемом самбо все-таки успела отбить руку с ножом. Скальпель полетел под кровать, а Зараева, отброшенная Вариным ударом, тяжело опустилась на колени, закрыла лицо руками и зарыдала.

В комнату вошли капитан Федосов и еще двое оперативников.

– Вы, гражданка Зараева, задержаны, – объявил Борис, наклонился, отнял руки преступницы от лица и защелкнул на них наручники.

– Не забудь взять ее бокал на экспертизу, – устало посоветовала Варя. – Надо узнать, что она подмешала в шампанское. Хотела отравить меня, а травануласъ сама.

– То-то я смотрю, – усмехнулся Федосов, – что она такая на все согласная. Я уж думал, грешным делом, ты ее так напугала. А оказывается, она сама себя…

И Варя еще раз уверилась, что их соперничество с Борисом будет продолжаться и дальше. Но ей хотелось длить и длить это состязание…

* * *

Прошло несколько дней, и снова была та же квартира, и капитан Федосов в ней, и то же платье, и те же туфли на высоченных каблуках на хозяйке. Только вот ожерелья, послужившего главной приманкой для преступницы, на шее Вари не было. И, слава богу, не было в квартире ни Зараевой, ни кого-то еще. Зато было предощущение праздника.

Федосов заехал за Варей, а она спросила: «Ну, как я тебе?» – и ловко прокрутилась перед ним на каблуках. И тут же вместо ответа оказалась в его объятиях. Его руки нетерпеливо спускали с ее плеч бретельки, а нежные губы целовали шею.

– Пусти, ты помнешь мне прическу! – отбивалась со смехом Варя.

– До головы не дотр-ронусь! – прорычал Борис.

– И макияж испортишь!

Вместо ответа капитан легко подхватил ее на руки и понес в спальню.

Очень мало кто, честно признаться, носил Варю на руках – не те у нее стати! – и забытое ощущение оказалось восхитительным, чертовски упоительным. Федосов бережно опустил девушку на кровать. «Подумать только, – мелькнуло у нее, – не будь этой гадины Зараевой, мы бы с ним никогда не встретились…»

Борис нежно приник к ее губам, и все мысли кончились, Варю затопила волна удовольствия…

Нагадали убийство

Римке в последнее время везло на убийства. То ли она их сама своим неугомонным характером притягивала, то ли место работы – детективное агентство Паши Синичкина – сказывалось… Но обо всем по порядку.

Новогодние каникулы рыжекудрая секретарша проводила дома, в родном городе. Бой курантов, как в семье было заведено исстари, встретила с родителями. Прочие выходные проводила с друзьями и подружками, благо их на родине осталось ох как немало. Ходили на лыжах в близлежащих лесах, в кафешках часами просиживали, в баньке парились. На Святки Римму и еще четверых подружек пригласила к себе в загородную избушку Эля Черногрядская.

– Гадать будем! – возбужденно предложила она. – Как раз самое подходящее время для гадания, от Рождества до Крещения… Крещенская вода с нас потом все грехи смоет!

– Тебе-то зачем, Элька, гадать! – усмехнулась в ответ Римма. – У тебя муж уже есть.

– А ты думаешь, раз муж есть – значит, жизнь кончена? – парировала подруга. – И гадать больше не на кого? И желать нечего?

Девушки, старые знакомые, отправились на свой гадательный девичник вшестером. В загородный домик их отвез муж Эли Черногрядской – Иван. Разместились все в его машине

– пусть стареньком и праворульном, но «Лэндровере». И даже в багажник на крыше ухитрились уместить пять пар лыж – все, за исключением Римки, завтра собирались кататься.

«Лэндровер» надсадно гудел, карабкаясь в гору. Домик Черногрядских располагался на высоте метров пятисот над уровнем моря. С вьющейся петлями дороги открывался чудный вид на их родной город, что располагался у подножия горы, в котловине. Иномарка старательно месила снег. На изрядно занесенном зимнике навстречу им не встретилось ни единой машины. А с неба продолжали сыпаться белые хлопья.

– Эдак я вас и забрать отсюда не смогу, – озабоченно промолвил Иван.

– Ничего, – хихикнула Эля, – до весны мы тут и без тебя проживем. Припасов хватит.

Иван Черногрядский высадил девушек у заснеженного крыльца избушки. Он даже не помог им сгрузить с крыши лыжи – не выходя из машины, уехал. От глазастой Римки не укрылось, что перспектива провести вечер в городе в одиночестве Элиного мужа явно вдохновляла. А его молодая жена, в свою очередь, вздохнула с видимым облегчением, когда супруг скрылся с глаз долой.

Для начала девочки растопили печь. Когда дрова занялись и в охотничьем домике стало ощутимо теплее, взялись за еду. Каждая из них захватила на пикник свое коронное блюдо. Римка порадовала подружек всегдашними крутона-

ми из семги. Элька испекла пирожки с капустой. Маня по кличке Масяня представила на суд традиционный оливье с нетрадиционными наполнителями – красной икрой и раковыми шейками. Света Курочкина, оправдывая свою фамилию, выступила с цыплятами табака с изумительной хрустящей корочкой. Инга Щеколдина подошла к делу основательно и выкатила огромное блюдо холодца. И, наконец, Алена Тихорецкая, завзятая вегетарианка, порадовала собравшихся фруктовым салатом.

После обеда, сдобренного, чего греха таить, парой бутылочек горячительного, девушки приступили к гаданию. За окном стремительно темнело. Сперва отдали дань традиционным предсказаниям – на картах. В тот вечер карты явно благоволили подружкам. Ни одной они не сулили ни пустых хлопот, ни казенного дома. Дальняя дорога выпала только Римке – которой и без того завтра надобно было возвращаться в Москву. Зато в конце странствия ее ждал бубновый король, коим в итоге и должно было успокоиться сердце. «Уж не Пашка ли Синичкин наконец проснется?» – подумалось девушке.

Затем гадали на воске. Расплавленные нити опять рисовали всем благостные узоры: свадебную фату, ребеночка, гоночный автомобиль, пальмы…

Потом хозяйка предложила для разрядки погадать на книге. Подружки встретили Элину идею хохотом и восторгами. Гадать на книжках их научила еще в девятом классе крутая

литераторша Ольга Олеговна. Со временем этот обряд прижился. За годы святочной практики подруги перепробовали множество разнообразнейших книг, от «Горя от ума» до «Комментария к Уголовному кодексу», однако установили, что самые смешные результаты дает гений Пушкин. К тому же – если предсказания не забывались, а тщательно записывались – выяснилось, что Александр Сергеевич еще и среди других авторов (не говоря уже о картах и воске) – самый проницательный. Спросила у него, к примеру, в прошлом январе Масяня, долго ли ее престарелый кот Шиллинг еще протянет. Томик «Онегина», открытый наугад, немедленно выдал ответ:

…И днем и вечером одна…

И что вы думаете? К середине апреля котик ушел на свиданку на ближайшие крыши – и не вернулся. Бедная Маня и в самом деле одна осталась.

Но ладно бы только про четвероногих! Солнце русской поэзии обычно и про парней все точно угадывало, и про работу и учебу – поэтому за нечеловеческую проницательность книжное гадание они любили. К примеру, когда Черногрядская спросила на Святки три года назад, выйдет ли она замуж, дивный гений ответил ей:

…Расстался с музами, женился…

И точно: тем же летом Элька выскочила замуж за Ивана Черногрядского.

При том никто не вспомнил, что процитированный стих Пушкина имеет продолжение:

> …В деревне, счастлив и рогат,
> Носил бы стеганый халат…

А это продолжение, судачили, для Эльки весьма актуально, потому как красавец Черногрядский ни единой юбки, поговаривали, не пропускал.

Однако Элька, несмотря на поразительную проницательность первого поэта России, веры в него не теряла. Итак, она достала с полки затрепанный томик «Евгения Онегина».

– Ну-с, барышни, – провозгласила она. – Кто первый? Задавайте гению вопросы.

Открыть гадание вызвалась Римка.

– Скажи, о дорогой дух Александра Сергеича, – вопросила она, воздевши очи горе, – может быть, я и вправду влюблюсь в своего начальника, Пашку Синичкина?

– Давай, говори! – в азарте воскликнула Эля. – Страница, строчка?

– Пятьдесят третья страница, четвертая строка снизу, – Римма выдохнула первые цифры своего телефона. Хозяйка зашуршала листами. Девчонки затаили дыхание. Эля нашла нужную страницу, усмехнулась и зачитала вслух:

…Привычка свыше нам дана: замена счастию она…

Все захихикали.

– Вот так, Риммочка, – прокомментировала бойкая Масяня, – ничего у тебя с твоим очаровашкой, детективным боссом не выйдет!.. А ну-ка, мне нагадай, встречу ли я молодого-красивого-богатого?.. Тридцать первая страница, десятая снизу!

Хозяйка послушно перелистала страницы и прочла:

…с ней обретут уста мои
язык Петрарки и любви…

– О! – засмеялись все наперебой. – Масяня за иностранца выйдет!..

– По-итальянски говорить научится!..

– Он ей сонеты будет читать!..

– На гондоле возить!

– А ну, мне давай! – вдохновленная успехом подруги, воскликнула вегетарианка Алена Тихорецкая. – Да не про парней!.. Скажи мне, дух Александра Сергеича, как у меня с деньгами в этом году будет? Надоело копейки считать!.. Девятая страница, вторая строчка снизу!

Пушкин откликнулся на зов Алены следующим стихом:

Всевышней волею Зевеса наследник всех своих родных…

Все захохотали, а Алена всерьез рассудила:

– Может, и впрямь мой питерский дядюшка преставится? Он у меня богатенький…

Засим гадали и Светке Курочкиной, и Инге Щеколдиной – но у них вышло нечто невразумительное. Может, потому, что Курочкина возжелала узнать, купит ли ей папаня пусть подержанную, но иномарку, а Инга – поступит ли она наконец в аспирантуру.

– Нечего умничать! – закричали на них девчонки.

– Пушкин в своем девятнадцатом веке и слов-то таких не слышал: иномарка, аспирантура!..

– Будьте проще, и гений к вам потянется!

Кукушка на часах с маятником прокуковала восемь раз. За окном продолжалась настоящая метель. Снежинки торкались в окно и падали ниц.

– Ну, давайте-ка, пусть Пушкин теперь мне всю правду скажет! – воскликнула хозяйка. – Что у меня с моим мужем будет, Ванечкой Черногрядским! – И сама же себе загадала страницу и строчку: – Сто сорок четвертая, четырнадцатая сверху!

Начала листать потрепанный томик, открыла нужное место. Вчиталась – и побледнела. Вчиталась – и едва не отшвырнула книгу в сторону.

– Что там? – спросила чуткая Римка.

– Да чепуха, вранье, – отмахнулась мгновенно расстроив-

шаяся Эля.

– Нет, скажи! – закричали девчонки наперебой.

– Так нечестно!..

– Сама про нас все узнала, а мы?

Черногрядская нахмурилась, но все ж таки открыла «Онегина». Через силу прочла:

> …под грудь он был навылет ранен;
> дымясь, из раны кровь текла…

На последнем слове ее голос сорвался. В избушке воцарилась тишина. Света Курочкина неуверенно протянула:

– Да чепуха это все! Вранье!

– Надо ему позвонить! – встревоженно воскликнула Эля.

Вытащила из своей сумочки мобильник, накинула на плечи дубленку и выскочила из избы в метель. Девушки переглянулись, но ничего не сказали. Кукушка прокуковала четверть девятого.

Через две минуты Черногрядская вернулась. Она выглядела еще озабоченней. Сказала:

– Ванька не отвечает. Длинные гудки проходят, но трубку он не берет…

– Ну, мало ли… – неуверенно проговорила Курочкина. – Спать лег человек… Или хоккей смотрит…

– Мне надо вернуться в город, – безапелляционно молвила Эля. – Сердце теперь не на месте.

– Как вернуться? – воскликнула Римка. – Пятнадцать километров пути. Автобусы уже не ходят, и ни одной попутки в такую погоду не будет.

– Вот и хорошо, что не будет, – упрямо сказала Черногрядская. – Проблем меньше, приставать шоферня не станет.

– А если заблудишься? – вопросила Инга. – Темнота, метель!

– Да ладно! – отмахнулась Элька. – Я здесь двадцать пять лет по окрестностям хожу, каждую кочку знаю!

– Ну, тогда и мы с тобой пойдем, – произнесла Масяня, однако голос ее звучал неуверенно. Ни ей, ни кому бы то ни было еще явно не хотелось выбираться на холод и шлепать пятнадцать километров пешком до города.

– И думать забудьте! – прикрикнула на подруг беспокойная жена. – Через два, много через три часа дойду до города. Убежусь, что с Ванькой все в порядке, и он меня назад отвезет. Почаевничайте тут пока без меня.

И Эля, не успели девушки ее задержать, выскочила за дверь. Римка, самая шустрая, кинулась за ней. Выбежала на крыльцо – но спина упрямой подружки уже исчезла за мутной пеленой метели…

…А через три часа, в начале двенадцатого ночи, рыдающая Черногрядская позвонила девчонкам и сказала, что только что добралась до дому и обнаружила своего мужа Ивана убитым. А еще через три часа – девушки сразу снялись и отправились в город – они пришли в дом убитого и

услышали, как судебно-медицинский эксперт говорит одному из оперативников: «Смерть Черногрядского наступила от восьми до девяти часов вечера, ни в коем случае не позже половины десятого…»

* * *

Возвратившись в Москву в первый рабочий день нового года, Римка рассказала своему начальнику, частному детективу Паше Синичкину, о святочном происшествии.

– Конечно, – сказала она, завершая повествование, – моя подруга Элька оказалась главным, если не единственным подозреваемым. У нее и мотив был (у какой жены нет причины своего супруга убить?!). Тем более что тот ей, все говорили, изменял. И гадала нам на «Онегине» именно она, и книжка ей принадлежала. И как раз она назвала роковую страницу и строчку.

– Значит, она запросто могла все подстроить… – глубокомысленно заметил Синичкин. – И Пушкин не случайно ей выдал страшное предсказание…

– Да, – закричала Римка, – но!.. Загвоздка-то заключалась в следующем. Как Черногрядская могла покончить с мужем, если судмедэксперт сказал, что он был убит в девять вечера, максимум в половине десятого – а Эля ушла из нашей сторожки в половине девятого? И метель тогда занесла дороги, ни одной машины не было… А пройти по сугробам пятна-

дцать километров – как минимум три часа нужно…

– Может, у твоей Эли был сообщник, который убил Ивана? Или хотя бы подвез ее на каком-нибудь вездеходе к месту убийства? – заметил Павел.

– Я тоже сначала так подумала, – кивнула Римка. – Но если был сообщник, зачем Эльке вообще понадобилось срываться в город? Сидела бы с нами, свое алиби подтверждала… Нет, сообщник – слишком простое и не объясняющее все факты толкование… И тут… – Она сделала интригующую паузу. – Тут я как раз вспомнила один роман Агаты Кристи. Он назывался «Загадка Ситтафорда». Там была похожая ситуация: люди проводили спиритический сеанс, и дух вдруг сказал присутствующим, что убили их соседа… Помнишь?

– А я не читал, – с блистательной небрежностью откликнулся Синичкин.

– Тогда я тебе тем более расскажу, – с оттенком мстительности молвила помощница, – когда разгадку знаешь, удовольствия от детектива уже не получишь… Так вот, в романе бабушки Агаты от дома, где происходил спиритический сеанс, до того места, где жил убитый, было часа три ходу, и так же, как в нашем случае, метель мела, машины проехать не могли… Один из тех, кто гадал, обеспокоился и пошел навещать соседа… И тоже на него никто подумать не мог, что это он убил. Не мог он успеть. Ведь судмедэксперт установил: замочили человека максимум через полчаса, когда тот

из особняка вышел… Но у злодея, оказывается, были припасены неподалеку лыжи, а имение (как и в нашем случае) находилось на горе, и жертва (как и у нас) проживала в долине… Убийца встал на лыжи и довольно быстро – под горку-то! – добрался до места преступления… А девушка по имени Эмили Трефусис, ведущая по своей инициативе следствие, об этом догадалась и убийцу изобличила…

– А ты? – остро глянул на секретаршу Пашу. – Ты, Римка, убийцу изобличила?

– Почти, – кивнула девушка. – Я к Эльке пришла и сказала, что все знаю. И чтобы она лучше сама в милицию с повинной явилась.

– Послушалась она тебя?

– Послушалась, – кивнула Римма. – Теперь ее судить будут. Жалко, конечно… Но в деле есть смягчающие обстоятельства: муж, оказывается, не просто ей изменял, а еще и бил ее, и об этом все Элькины подружки на суде скажут, я тоже поеду…

– Все равно твоей Черногрядской светит сто пятая, часть первая. От шести до пятнадцати… – вздохнул Синичкин.

– Давай, Паша, не будем о грустном… Теперь ты видишь: преступники книжки стали читать. И методами, описанными в детективах, пользуются. Пора и тебе что-нибудь, кроме «Советского спорта», прочесть. Хотя бы ту же Кристи…

Синичкин пренебрежительно махнул рукой:

– Враки все это. Твоя Элька книжек начиталась, намудри-

ла – поэтому ее и разоблачили. А дала бы мужу скалкой по башке, может, и обошлось бы: аффект, то-се…

– Ученье – вот чума; ученость – вот причина, – усмехнулась Римма.

– Опять ты со своим Пушкиным, – поморщился Синичкин.

– Это не Пушкин, а Грибоедов!

– Тем более, – припечатал твердолобый Павел.

Смерть на вечеринке

На подобных вечеринках Диме Полуянову еще не приходилось бывать – хотя журналистская судьба забрасывала его и на миллиардерские тусовки в Куршевеле, и в пивные таежные поселки. Однако нынче молодой человек впервые шел на «корпоратив» не в качестве репортера, а как приглашенная звезда. Издательство «Фобос» проводило новогоднюю вечеринку в ресторане «Изба рыбака». Полуянову прислали именное приглашение.

Журналист воспринял его как дополнительную компенсацию за каторжный труд литератора. Ведь в нынешнем году он наконец-то внял советам друзей и сподобился живописать свои многочисленные приключения в документальном романе. Писательская тусовка, равно как и высокий тираж, и неслабый гонорар, явились неоспоримыми свидетельствами успеха романа и его автора.

Издатели гуляли на широкую ногу. В огромном зале накрыли пару десятков столов, рассчитанных на восемь персон каждый. Сияли белоснежные скатерти. Свет отражался от сверкавшего хрусталя. Влажно поблескивала черная икра. Распорядители, все как один с рациями и наушниками, подвели Диму к его столику.

Полуянов уселся, когда прочие гости уже собрались. Журналист за свою многолетнюю карьеру в совершенстве овла-

дел важным навыком: появляться на любом мероприятии позже всех – но при этом никогда не опаздывать к его началу. Он развернул льняную салфетку и раскланялся со своими соседями.

Даже не будучи представлен, Полуянов знал всех своих сотрапезников и в лицо, и по именам. За его столиком оказались люди, прославившиеся в различных областях культуры, сподобившиеся (как и он) написать книги.

Во главе стола восседал Антон Хмелев – лихой телеведущий с ранней сединой, автор скандальной автобиографии «Брюнетки, блондинки, рыжие», в которой он открытым текстом живописал свои романы с множеством известных женщин.

Напротив телевизионщика сидела дама, что не поддалась его чарам, – актриса Ирина Манирова. Видимо, протокольный отдел издательства схалтурил – потому что о неприязни Манировой и Хмелева знали многие. В своей книге телевизионщик дал актрисе самую уничижительную характеристику. Та в долгу не осталась и в многочисленных интервью недвусмысленно намекала, что Хмелев просто мстит ей за то, что она отказалась разделить с ним ложе. И вот теперь Манирова сидела, поджав губы, прямая, как шомпол, и, похоже, раздумывала, а не покинуть ли ей благородное собрание в знак протеста против столь нежеланного соседства.

Положение попытался спасти Илья Понарин – один из тех, с кем Полуянов был знаком лично. Понарин, очень толстый

молодой человек со щеками, возлежавшими на плечах, служил пиар-директором издательства «Фобос». Хитрый, умный и циничный, он действовал мытьем и катаньем, грубо льстил журналистам и выкручивал им руки – и все для того, чтобы проталкивать в газеты, телеящик и на радио заметки, восхваляющие его компанию.

– Давайте, господа, выпьем за «пэ-зэ-дэ»! – Пиарщик вскочил. – То есть за присутствующих здесь дам! Мужчин попрошу встать. За вас, дорогая, великолепная и несравненная Ирочка, блистательная актриса и очаровательный человек!

Манирова ответила Илье благосклонным взглядом. Однако тост не слишком понравился двум другим дамам, что присутствовали за столом. Недавно повесившая коньки на гвоздь и взявшаяся за перо Наташа Безруцкая, олимпийская медалистка и трехкратная чемпионка мира, с кислой миной поблагодарила Илюшу и холодно кивнула актрисе. От пиарщика не укрылось ее настроение, и он расширил свой тост:

– Я также хочу выпить за несравненную Наташу, великую фигуристку и прекрасную девушку. – И он склонился перед Безруцкой в глубоком поклоне.

Несмотря на то что третья дама, сидевшая за столом, не проявила никаких признаков недовольства, Илья не обошел вниманием и ее.

– Я поднимаю свой бокал за редкий сплав ума и красоты, замечательную Веронику Нилову, которая дала подробней-

шие и выверенейшие инструкции всем женщинам Москвы, России и планеты, как обращаться со столь несовершенным механизмом, как мужчины!

Вероника Нилова, дама под сорок (выглядевшая, впрочем, на тридцать), доктор психологических наук и автор бестселлера «Как заарканить мужчину своей мечты и владеть им безраздельно», мягко улыбнулась толстяку Илюше и звучно произнесла: «Спасибо».

Пиарщик извивался ужом, пытаясь всем угодить, и Полуянов подумал, что тот, кто ведал рассадкой гостей (а это, без дураков, высокое искусство!), допустил еще как минимум две ошибки. Телеведущего Хмелева следовало изолировать не только от актрисы Манировой, но и от двух других женщин. Дело в том, что (журналист знал это доподлинно) во время прошлогодних съемок программы «Ледяные звезды» Хмелев выступал в паре именно с фигуристкой Безруцкой. И, хотя они вылетели уже в третьем туре, Дима знал о нежных отношениях, установившихся между партнерами. Однако вскорости Хмелев, ветреный настолько, что мог дать фору самому Полуянову, бросил спортсменку. Фигуристка измены, похоже, не простила – она и сейчас время от времени одаривала ведущего злобными косяками.

Психологиня тоже вряд ли была счастлива от соседства с телевизионщиком. На своем ток-шоу тот, пригласив Нилову поговорить о мужских изменах, вдруг обрушил все оружие своего сарказма (которым он владел отменно) именно

на нее. Он стал выпытывать, сколько раз доктор психологии сама была замужем (выяснилось, что трижды), сколько она имела любовников и удавалось ли ей их ублажать. Психолог, новичок на экране, поплыла, растерялась, стала оправдываться… Словом, Хмелев выставил ее на посмешище перед всей страной. Сейчас Нилова ничем не выдавала своего отношения к ведущему. Она улыбалась одинаково мило всем присутствующим за столом, в том числе и Хмелеву, однако Дима не сомневался, что в душе и она точит нож на своего обидчика.

И, наконец, последним, седьмым гостем за столом оказался знаменитейший режиссер, наполовину мосфильмовец, наполовину голливудец Роберт Поляновский, прославившийся скандальными мемуарами «Тысяча и одна ночь». Загорелый, сверкающий искусственными зубами Поляновский, подобно Хмелеву, описал в автобиографии все свои романы, коих у него набралось за восьмидесятилетнюю жизнь (видимо, кинематографист отличался скрупулезностью) ровно тысячу и один. Впрочем, в откровенной книжке режиссера досталось не только дамам, но и мужчинам. Чуть ли не всем светским львам Поляновский дал уничижительные характеристики. К примеру, о своем сегодняшнем сотрапезнике Хмелеве режиссер отозвался как о «самозванце с большой дороги».

Ведущий, кстати, в долгу не остался и пустил по Москве шутку: Поляновский, дескать, после успеха «Тысячи и одной

ночи» готовит сиквел своей биографии под названием «Четыре танкиста и собака» (намек то ли на зоофилию, то ли мужеложество, которым, видит бог, старый сатир на самом деле не был подвержен). Разумеется, хмелевская шутка дурного толка дошла и до режиссера, и тот, говорят, долго скрипел вставными зубами.

И, наконец, последнее, восьмое место за столом оказалось пустым. Оно располагалось как раз рядом с телеведущим. С другой стороны от пустого стула уселся Дима – так, чтобы оказаться рядом с психологиней и напротив фигуристки. Обе показались ему достаточно красивыми, разумными и циничными женщинами для того, чтобы затеять с ними флирт, который, глядишь, перерастет во что-то большее (но малообременительное). Верная и любящая девушка Надежда порой казалась журналисту слишком пресной.

На счастье собравшихся, издатели не стали мучить их речами. Никаких подведений итогов года и здравиц руководству. Директор «Фобоса» вышел, произнес лапидарно: «Всех вас с Новым годом!», – и сразу же на сцену выскочила группа «Аморальный случай» и грохнула вживую свой хит «Дельфины не летают». Молоденькие редакторши, художницы, пиарщицы завизжали от восторга и бросились танцевать. У сцены немедленно сбилась веселая куча-мала.

Никто из солидных людей, сидящих за Диминым столом, плясать не пошел. Громкая музыка беседе не способствовала, поэтому все стали молча налегать на выпивку и закуски.

Пили и ели кто в лес, кто по дрова: режиссер Поляновский вкушал икру, запивая ее почему-то виски. Пиарщик Илья предпочитал водку и закусывал салями. Психологиня Нилова смело глушила коньяк, заедая сыром. Манирова прикладывалась к шабли и устрицам. Фигуристка Безруцкая блюла то ли рождественский пост, то ли собственную фигуру: щипала виноград из вазы, разделывала на тарелке банан. Недалеко от нее ушел и Хмелев: жевал салатные листы, попивал минералку. И только Полуянов (всегда любивший поесть, но счастливо не полневший) налегал на весь провиант, что выкатили щедрые издатели: и на сыры, и на салями, и на устрицы, и на фрукты.

Ансамбль грохнул вторую забойную композицию: «Вечер красит черным цветом». И тут к столику подскочили три веселые девчушки из числа технического персонала. Все трое буквально вцепились в Хмелева, вытащили ведущего из-за стола и поволкли танцевать. Тот слабо сопротивлялся. Дима вдруг почувствовал укол ревности: слава богу, конечно, что девочки проигнорировали и мастодонта Поляновского, и жирного пиарщика Илью, – но они и на Полуянова, веселого, красивого, внимания не обратили. Подавай им знаменитого телеведущего!

Полуянов подвинулся поближе к Илье Понарину и саркастично проговорил, имея в виду ведущего: «Какой успех он имеет!»

– Да! – прокричал в ответ пиарщик. – Стоит ему куда-то

прийти без жены, как без добычи он не уходит.

– А Хмелев женат? – поразился журналист – даже он, весьма осведомленный о личной жизни доморощенных знаменитостей, о сем факте не ведал. Музыка гремела так громко, что можно было разговаривать в полный голос, не таясь чужих ушей.

– Еще как женат! – проорал Илья. – Уже семь месяцев, первый критический срок. Ленка страшно бесится на Хмелева за то, что он такой бабник. И ревнует.

– Это ее место за столом пустует?

– Вестимо! Точно знаю: Хмелевым посылали приглашение на два лица.

– А почему ваш отдел протокола посадил его именно сюда? Они что, не знают, что все, кто сидит за нашим столом, его ненавидят.

– Почему? Я к нему нейтрально отношусь. Да и ты вроде тоже.

– А Манирова? Поляновский? Нилова? Безруцкая? Все на Хмелева зуб точат.

– А где прикажешь его размещать? Кто на него, скажи, зуб НЕ точит? К писательницам его не посадишь – всех успел оскорбить. То же самое и с фантастами, и с поэтами – Антон всем насолил, всех уязвил. Только те юные девчушки, с которыми он пляшет, им и восхищаются. Но его же за стол с корректорами не посадишь – не по чину.

«И правда, – задумался журналист, – Хмелев чуть ли не

всех успел против себя восстановить и настроить. Режет в своей передаче правду-матку прямо в глаза, за словом в карман не лезет…»

Дима почувствовал приятную сытость и, утолив первичную потребность – голод, задумался об одной из вторичных, а именно – о сексе. Он отвернулся от пиарщика, наклонился к своей соседке психологине и прошептал:

– Я нуждаюсь в срочной психиатрической помощи.

– А что с вами? – принимая игру, с улыбкой спросила та.

– Меня свела с ума одна девушка.

– В таком случае, – без обиняков промолвила Нилова, – вы обратились по адресу.

– Вот как? Вы не хотите знать кто?

– А я догадываюсь.

– М-м… Тогда потанцуем?

– Охотно.

Помогая даме выбраться из-за стола, Полуянов заметил, что пиарщик приглашает фигуристку, а актриса льнет к режиссеру. «Ну, машинка завертелась…» – мимоходом подумал он.

В процессе танца Дима наклонился к Ниловой поближе, щекотал дыханием ушки, сыпал остротами и комплиментами, однако и свой столик из виду не терял. В частности, он заметил, что режиссер с актрисой после третьего тура вернулись – видать, восьмидесятилетнему Поляновскому потребовался отдых. Однако актриса уселась не на свой стул, а на

место Хмелева. Режиссер пристроился рядом с ней, шептал что-то ей в ушко. Они сидели к танцующим спиной, но Полуянов готов был поклясться, что рука киноклассика сейчас совершает вояж по ногам и бедрам звезды.

«Аморальный случай», отыграв оплаченные сорок минут, улизнул со сцены. Разгоряченные партнеры вернулись к столу. Возвратился и телеведущий, слегка расхристанный, помятый, но довольный. Дима ревниво заметил, что одна из девчонок без зазрения совести обнажила перед ним плечо, и Хмелев оставил на нем автограф.

Официанты подали горячее – телячьи медальоны с цветной капустой. И тут один из них неловко задел подносом плечо телезвезды. Ведущий немедленно вскипел. «Осторожно, ты, придурок!» – проорал он с такой силой, что на него стали оглядываться даже с дальних столиков. Официант побагровел. Ему бы извиниться, но он в ответ пробурчал нечто непочтительное.

– Как звать?! – обрушился на него Хмелев. – А ну-ка, живо, пригласи ко мне менеджера!

Половой пробормотал: «Меня зовут Вася Сырцов», – и исчез. Довольно быстро явился менеджер. Телезвездун высказал свои претензии, менеджер в ответ низко поклонился и заверил, что обидевший столь почетного гостя официант немедленно будет уволен. Хмелев хорохорился под взглядами сотрапезников. Ему самому, похоже, казалось, что они им восхищены. На деле же Дима прочитал на лицах присут-

ствующих брезгливость по отношению к склочнику.

Наконец инцидент был исчерпан, менеджер отошел. Телевизионщик с видом человека, исполнившего свой долг, налил себе полный стакан минералки и единым махом осушил его. Наполнил второй – и вдруг поднялся и воздел его.

– Уважаемые господа и прелестные дамы, – проговорил он, обращаясь к сотрапезникам хорошо поставленным голосом, – да, я знаю – у меня несносный характер. Многие меня терпеть не могут, но в эти прекрасные предновогодние дни, во время рождественского поста, я хотел бы попросить у всех у вас прощения. Знаю, я многим досаждаю, но… Простите меня, мои дорогие. – Хмелев прижал руку к груди, и глаза его блеснули послушной слезой. – Простите меня, ради Христа!

Сотрапезники невольно переглянулись: слишком уж неожиданно прозвучало покаяние.

– Бог простит, – хмуро бросил режиссер.

– И вы меня простите, Тошенька, – звучно ответствовала психологиня.

Фигуристка ничего не сказала, только зло усмехнулась, отвернулась и свой бокал не подняла.

– А что ж ты, Антон, налил себе минералку? – ехидно поинтересовалась Манирова. – Мы же пьем, я так понимаю, за дружбу? А за крепкую дружбу и выпить надо чего-нибудь крепкого.

– Не могу, Ирочка, никак не могу, – снова прижал руку

к сердцу Хмелев. – Сильно простыл – не поверишь где: в Новой Зеландии. Теперь антибиотики глотаю. Надо в форму поскорей войти, сама знаешь – скоро елки. Чесать придется без выходных.

– А что ж ты, раз простыл, с девчонками пляшешь, весь взмыленный? – не унималась актриса. – Гляди, просквозит, – усмешливо добавила она. – Так и до гриппера недалеко.

– Типун тебе на язык! – фамильярно воскликнул Хмелев. – И не мечтай: ко мне сейчас ни одна зараза не пристанет. Надежно защищен! – Он вдруг вытащил из кармана флакон с таблетками и сунул его прямо под нос Манировой. – Вот, видала, что написано: «антибиотик нового поколения. Запрещено употребление совместно с алкоголем». Вот, теперь смотри: я достаю и пью. – И ведущий демонстративно вытащил из пузырька таблетку, проглотил, запил минералкой. С улыбкой обвел всех взглядом и добавил: – Поэтому у меня насчет крепких напитков полное алиби. Считайте, что эти колеса – сейчас мой, типа, коньяк, и я его пью за ваше здоровье. И за ваше – мне! – прощение.

Манирова еще секунду поколебалась, но потом все-таки чокнулась с ведущим своим бокалом, полным шабли.

– Спасибо тебе, Ира, – лучезарно глядя на нее, молвил Хмелев и с чувством выполненного долга принялся за салат.

А тут и музыка снова заиграла. На сцену выбежала девическая группа «Пенки» с опасно длинными ногами и огром-

ными декольте. Откуда-то сверху на танцующих и жующих посыпалось конфетти. Психологиня Нилова сжала под столом коленку Полуянова и прошептала: «Пойдем танцевать». Журналист, слегка растроганный извинениями телевизионщика, подумал: «Какая-то прямо святочная история получается…»

Изрядно захмелевший народ отправился плясать. За столом осталась только фигуристка Безруцкая. Топчась в обнимку с психологиней, Дима видел, как официанты разносят чай и кофе. Как ни странно, тот, что обидел телеведущего, отстранен от работы не был и тоже таскал подносы…

…А после девичьего концерта, едва сотрапезники вернулись за стол, Хмелев вдруг захрипел и схватился руками за горло. Глаза телеведущего вылезли из орбит. Лицо покраснело, он согнулся в три погибели, затем дернулся и… И – упал со стула замертво…

Газета «Молодежные вести», № 1 (24037) от 11 января 2009 года.

ТАЙНА СМЕРТИ НА ВЕЧЕРИНКЕ

Автор – Дмитрий Полуянов

"…Все мы бросились к отравленному. Он сполз со стула и лежал навзничь. Судорога исказила его лицо. Популярнейший телеведущий Антон Хмелев не дышал.

Вероника Нилова, известный психотерапевт и врач, наклонилась над ним и пощупала пульс на шее. «Вызывайте „Скорую“… – велела она. – И милицию…»

В толпе ахнули. Кто-то заплакал. «Его отравили», – вглядевшись в лицо убитого, веско заявила Нилова. По толпе гостей пронесся гул изумления. А я почему-то не удивился. С самого начала вечеринки я в глубине души думал, что она добром не кончится – и пострадает, несмотря на все свои покаянные речи, именно знаменитый телеведущий. Но… Кто и почему его отравил?

В ту минуту я решил, что не только могу, *но и должен* ответить на этот вопрос. В конце концов, я провел весь вечер бок о бок с жертвой за одним столом и видел едва ли не все, что Антон ел, пил, делал… Я вышел из толпы, окружившей тело, и стал припоминать…

Что ж, практически у каждого человека, сидевшего за нашим столом, был мотив для того, чтобы убить Хмелева. Очень многие считали себя им обиженными: и актриса Манирова, и режиссер Поляновский, и фигуристка Безруцкая, и даже психотерапевт Нилова. И еще он в ходе вечера ухитрился крупно повздорить с официантом. Да, согласитесь, МОТИВ отравить ведущего имел далеко не один человек. Однако у кого была ВОЗМОЖНОСТЬ это сделать?

Режиссер Поляновский и актриса Манирова во время танцев сидели непосредственно на месте Хмелева и могли подсыпать ему яд. Официант, обиженный им, мог подать телевизионщику отравленный кофе. Да и любой из гостей во время танцев имел возможность незаметно подложить Хмелеву отраву.

Но… Было и существенное «но». Я припомнил еду,

что подавалась на банкете. В нее довольно трудно (если не невозможно!) подмешать яд. Какие закуски стояли на столе? Икра, устрицы, салат, фрукты, сыры, салями. На второе подали медальоны с цветной капустой… Но Хмелев ел только зеленый салат, брал его с общего блюда, тогда бы все отравились… Но, может, отраву подмешали в питье?.. Однако Хмелев весь вечер пил одну только минералку – вкус яда она не скроет – и даже объяснил почему: он был простужен и принимал антибиотики…

И вот тут я подумал: таблетки! Телевизионщик выпил пилюлю у всех на глазах… Может быть, яд находился в таблетках?.. Как раз те полчаса, что прошли между их приемом и гибелью звезды, потребовались на то, чтобы смертельное лекарство растворилось в желудке… К тому же надо учесть: вряд ли кто-то из приглашенных знал заранее, с кем он окажется за столом в тот вечер. А ведь яд любому из присутствующих требовалось для начала где-то достать, потом захватить с собой на банкет… Согласитесь, вряд ли подобное снадобье может случайно заваляться в женской сумочке или мужском кармане…

Может быть, ведущий, сам того не подозревая, собственноручно принес яд на «корпоративку»? Обычно ведь никто не афиширует (тем более перед малознакомыми людьми на новогодней вечеринке), что принимает те или иные таблетки. Стало быть, никто заранее не мог ожидать, что Хмелев, будучи по складу характера актером и демонстративной личностью,

выпьет пилюли у всех на глазах. А если… Если бы он, как это обычно бывает, проглотил их втихаря? Тогда никто из присутствующих на банкете не догадался бы, каким образом отрава попала в его организм…

Значит… Выходит, что присутствующие за столом не виноваты?.. Стало быть, Хмелеву просто подменили таблетки?.. Подменили… Но кто это мог сделать? Наверняка кто-то из тех, кто был хорошо осведомлен о его болезни… Кто-то, кто прекрасно знал, что на вечеринке окажется много недругов Хмелева… Тот, кто благоразумно обеспечил себе алиби, не появившись на банкете…

И тут я вспомнил, что рассказывал мне за столом пиар-директор издательства Илья Понарин. Он поведал, что молодая жена Хмелева по имени Елена страшно его ревнует. И потому даже не пожелала прийти с супругом на банкет. Может быть, именно она подсунула во флакончик с мужниными пилюлями ядовитое зелье?..

Когда приехала оперативная группа, оказалось, что в нее входит мой старый знакомый, подполковник Ковалев. Он узнал меня, и я сразу же поделился с ним своими подозрениями. Подполковник воспринял мои слова всерьез. И мы вместе с ним и двумя милиционерами немедленно выехали на домашний адрес телеведущего.

Хмелев проживал в небольшом особнячке близ метро «Бауманская», занимая с супругой весь второй этаж. Когда мы с милицией поднялись, выяснилось,

что дверь в квартиру телевизионщика не заперта. Оперативники достали пистолеты. Мы осторожно вошли…

На диване, откинувшись на спину, лежала супруга Хмелева – Елена. Она не дышала. Ее черты были искажены той же самой мучительной судорогой, что и лицо ее несчастного мужа. Включенный телевизор как раз транслировал – видимо, не первый раз – сообщение о смерти ведущего. На журнальном столе лежала записка:

МИЛЫЙ! ПРОСТИ МЕНЯ! ПРОСТИТЕ МЕНЯ ВСЕ! Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ! У МЕНЯ НЕТ СИЛ ТЕРПЕТЬ И НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ! ПРОСТИТЕ И ПРОЩАЙТЕ!

Итак, прекрасная звездная любовь завершилась ужасной двойной трагедией. Елена Хмелева в очередном припадке ревности отравила своего звездного мужа, а вскоре в ужасе от того, что сотворила, не выдержав мук раскаяния и угрызений совести, отравилась сама…»

Леди Идеал

– Они сказали, что не приедут, – девушка гневно отшвырнула телефонную трубку.

За окном раздавались взрывы петард и гомерический смех. В открытую форточку весело врывались снежинки. До Нового года оставался час.

– Как не приедут? Почему?

– Все машины на вызовах. А у тебя, сказали, случай не критический. Велели на такси ехать.

– Гады! Вот гады!

«Джингл бэллз, джингл бэллз» – веселились люди за окном. С детской горки с хохотом скатывались подростки, малышня висла на родителях и срочно требовала Деда Мороза, в небо рвались пробки от шампанского. Новый год наступал. Такси вряд ли проберется по улицам, запруженным людьми. Да и денег у нее ни копейки.

Девушка бессильно прилегла на кровать. До чего же больно! Бороться больше не было сил. Хотелось просто лечь – и под праздничные песни за окном умереть. Молодой, в одиночестве, бесславно.

Но умереть ей не дали.

– Ты чего разлеглась? – возмутилась подруга. – А ну, вставай! Пошли!

– Ку…да? – С трудом вымолвила она.

Говорить получалось с трудом, перед глазами летали желтые мушки, похожие на бенгальские огни.

– В любую больницу, – последовал ответ. – Тебя обязаны взять. Даже без полиса.

За окном продолжали веселиться. «Милка! Ты опять куришь?!» – возмущенно кричал мужчина. Девушка в ответ хихикала: «Так последнюю в этом году, Вась…»

Все в нетерпении ждали очередного чуда, очередных нуля часов первого января, чтобы начать новую жизнь, и пусть новый год принесет исполнение всех желаний.

А она почти не сомневалась, что оставшиеся до праздничной полуночи пятьдесят минут просто не переживет.

* * *

Лучший способ снять стресс – это сходить к косметологу. Не в обычную, конечно, парикмахерскую, где радио поет шансон и почему-то пахнет сосисками, а в дорогой салон. Здесь реанимируют после чего угодно. Отдельный кабинет, мягкая кушетка, точечный массаж, вкусно пахнущие маски, спокойная музыка, предупредительный мастер… Помогает стопроцентно.

Вот и Таня Садовникова отправилась в салон спасаться от стресса. Приехала туда в самом паршивом настроении. Пока оставляла гардеробщице шубку, пока администратор подавала ей кофе, девушка жалела, что у нее нет пистолета. На

самом деле, не расслабляться сейчас хотелось, а вернуться в офис. Выхватить оружие – и всадить десяток пуль в ненавистное лицо. В нее. В предательницу. В Польку Вершинину…

Но потом Таня улеглась на массажный стол. Вверила плечи нежным и сильным рукам мастера – косметолог всегда начинала процедуру с массажа спины. И злость начала как-то утихать, гаснуть. А уж когда пальцы мастерицы запорхали по лицу, снимая напряжение, разглаживая морщинки, Таня и вовсе подумала: «Ну, подумаешь, подвели. Сейчас время такое. Всех подставляют. Переживем».

Когда сеанс релаксации подошел к концу, Садовникова уже снова улыбалась и думала: как, оказывается, женщинам мало надо. Мужики, чтобы стресс снять, и водку пьют, и на машине гоняют с безумной скоростью, и в казино состояния спускают. А девушке, чтобы привести себя в норму, достаточно просто сходить к хорошему косметологу. Ну и потом в магазин, за обновкой. Скажем, за теми туфельками от «Феррагамо», на которые Таня давно положила глаз.

– Вам стало лучше, Татьяна Валерьевна? – заботливо спросила косметолог, покуда клиентка одевалась.

– Спасибо. Как заново родилась. – Садовникова сунула мастерице изрядные чаевые.

Попрощалась. Вышла в холл. И тут же поняла, что все старания косметолога пошли прахом. Потому что скрыться от проблемы не удалось. Навстречу шагала она. Ее враг. Поли-

на Вершинина. Ну да, как Таня могла забыть? Полька ведь тоже ходит в этот салон, один из лучших в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.